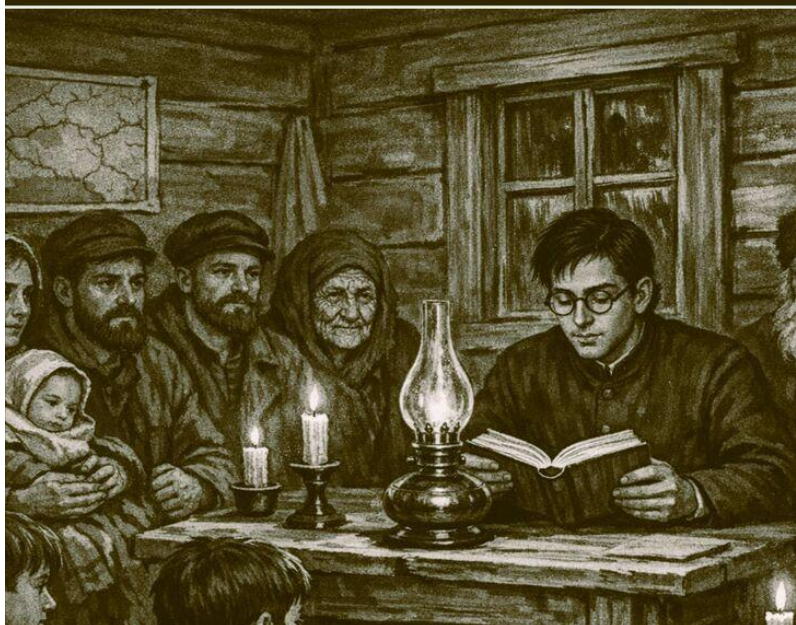

12+ Адриан Топоров

Крестьяне о писателях

Адриан Топоров

Крестьяне о писателях

<https://litres.ru/74150693>

ISBN 9785007007641

Аннотация

Адриан Топоров (1891 — 1984) — просветитель, педагог, писатель, критик, языковед. В начале XX века он осуществлял читки произведений мировой литературы членам алтайской коммуны «Майское утро» и фиксировал их отклики. Книга «Крестьяне о писателях» представляет собой уникальный, не имеющий мировых аналогов источник по истории чтения и ранним формам рецепции текста, значимый для исследователей и любителей литературы.

Содержание

Первый и единственный в мире	6
Генрих Гейне и Глафираб	11
КРЕСТЬЯНЕ О ПИСАТЕЛЯХ	21
О ПУШКИНЕ	21
О ПРОЗАИКАХ И	55
И. Бабель. ЖИЗНЕОПИСАНИЕ	55
ПАВЛИЧЕНКИ, МАТВЕЙ	
РОДИОНЫЧА8	
И. Бабель. СОЛЬ	72
В. Зазубрин. ДВА МИРА9	91
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Крестьяне о писателях

Адриан Топоров

Редактор Игорь Германович Топоров

Дизайнер обложки Игорь Германович Топоров

Корректор Игорь Германович Топоров

Составитель Игорь Германович Топоров

© Адриан Топоров, 2026

© Игорь Германович Топоров, дизайн обложки, 2026

© Игорь Германович Топоров, составитель, 2026

ISBN 978-5-0070-0764-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

А. М. Топоров, 1971 г. (Wikimedia Commons: автор фотографии неизвестен). Из архива семьи Топоровых

Первый и единственный в мире

А. М. Топоров (1891—1984) — просветитель, педагог, писатель, языковед, тонкий знаток многих видов искусств. Родом из беднейшей крестьянской семьи на Старооскольщине, он окончил Каплинскую второклассную учительскую школу и преподавал в Курской губернии, на Алтае, Урале и в Подмосковье. Последние 35 лет жизни провёл на Украине, в Николаеве, где в 2000-м году был назван земляками одним из десяти наиболее выдающихся горожан XX века — наряду с поэтом М. С. Лисянским и адмиралом С. О. Макаровым.

Имя Топорова упоминается в энциклопедиях; его личные фонды хранятся в Институте мировой литературы РАН, Пушкинском доме, государственных архивах, библиотеках и музеях Новосибирска, Белгорода, Курска, Старого Оскола, Ставрополя, Николаева, Алтайского и Пермского краёв. Оно отмечено и в фундаментальном издании Истории СССР (т. VIII, М.: Наука, 1967, с. 353). О Топорове продолжают писать книги и научные работы, снимать фильмы, говорить на литературно-общественных чтениях.

Причина неизменного интереса связана прежде всего с главным делом его жизни. Молодой сельский учитель Адриан Топоров в созданной им коммуне «Майское утро» близ Барнаула с 1920 по 1932 год ежедневно проводил читки мировой и отечественной художественной литературы для ма-

лограмотных и неграмотных крестьян. Он сумел побудить сибиряков, обычно немногословных в быту, высказываться о каждом произведении.

Диапазон прочитанного был поразительным: от «Орлеанской девы» Ф. Шиллера и К. Гамсуна — до пьес В. В. Иванова и К. А. Тренёва; от античных поэтов, А. С. Пушкина и А. А. Блока — до Демьяна Бедного и В. В. Маяковского; от Л. Н. Толстого и Н. В. Гоголя — до В. Я. Зазубрина и А. С. Серафимовича.

Атмосферу тех чток прекрасно иллюстрируют слова самого Адриана Митрофановича:

«Как сейчас помню, читал я со сцены Пушкина, видел замерший зал, ощущал сотни воткнутых в меня глаз, и от этого в душе было сияние и легкий взлет»¹.

Высказывания коммунаров настолько поразили Топорова, что он стал стенографически их фиксировать. С 1927 года его записи публиковались в бийской газете «Звезда Алтая» и журнале «Сибирские огни». В 1930 году в Москве вышла отдельная книга «Крестьяне о писателях», получившая восторженные отзывы А. М. Горького, В. В. Вересаева, А. В. Луначарского, Н. А. Рубакина, позднее — А. Т. Твардовского, М. В. Исаковского, В. А. Сухомлинского.

Одновременно книга вызвала ожесточённую критику со стороны околотитературных деятелей, что и понятно, ибо

¹ Топоров А. М. Я — учитель. — М.: Детская литература, 1980. — С. 151.

на страницах «Крестьян», к примеру, «черным по белому» утверждалось, что

«Гомер или Л. Н. Толстой по языку ближе крестьянам, чем все советские авторы вместе взятые»².

Неудивительно, что инициативы, исходившие из коммуны «Майское утро», вызвали раздражение местных властей. В одной из проверочных справок утверждалось:

«Чтением, тоскливыми скрипичными мелодиями Чайковского и Римского-Корсакова учитель Топоров расслабляет революционную волю трудящихся и отвлекает их от текущих политических и экономических задач»³.

В 1937 году Топоров был незаконно репрессирован и до 1943 года находился в лагерях ГУЛАГа в Архангельской области. Книга фигурировала на суде как вещественное доказательство его «вины».

Судьба последующих томов оказалась трагичной: Госиздат отказал в публикации второго и третьего томов, рукописи были уничтожены, последний экземпляр погиб во время оккупации Старого Оскола. Позднее «Крестьяне» были включены Главлитом в Аннотированные списки политически вредных книг (№10, М., 1951; возвращены в 1958 году) с формулировкой:

² Топоров А. М. Крестьяне о писателях. М.: Госиздат, 1930. — С. 33—36.

³ Гусельников В. В. Счастье Адриана Топорова. — Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1965. — С. 65.

«Книга засорена положительными упоминаниями врагов народа: Аросева, Пильняка, Кольцова. На с. 264 —266 приведены положительные отзывы об Орешине и его творчестве»⁴.

Интерес к книге возобновился после реабилитации автора (1958) и космического полёта Г. С. Титова (1961), который называл Топорова своим «духовным дедом» — родители космонавта были его учениками в коммуне. Но и тогда за независимость мышления и принципиальную беспартийность Топорова не жаловали: наград не давали, а в Союз писателей СССР приняли лишь в 88 лет.

Тем не менее книга выдержала несколько изданий и обрела читателей далеко за пределами страны — в США, Австралии, Швейцарии, Польше и др. Её хранят тысячи библиотек — от Николаева, Белгорода и Барнаула до Российской государственной библиотеки и Библиотеки Конгресса США. «Крестьян» продолжают обсуждать на телевидении, в журналах, на научных конференциях и чтениях.

Настоящее издание с некоторыми незначительными исправлениями подготовлено по тексту: **Топоров А. М. Крестьяне о писателях. — М.: Common Place, 2016.** В него также, как и ранее, включены доселе не публиковавшиеся главы о произведениях С. А. Есенина, М. М. Зощенко, А. Л. Курса и В. Я. Шишкова и материалы, исключённые по цен-

⁴ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф.17, оп.132, д.319, л.135.

зурным причинам после Великой Отечественной войны (обсуждение произведений И. Э. Бабеля, Ю. К. Олеши, П. М. Орешина, Б. Л. Пастернака).

Уверен, что очередная публикация книги «Крестьяне о писателях» станет настоящим подарком для читающей и думающей русскоязычной публики. Это прекрасный повод вновь обратиться к роли печатного слова в обществе, а также вспомнить остающийся единственным в мире литературоведческий опыт «последнего рыцаря культуры XX века», как называли Топорова его современники.

Игорь Топоров⁵

⁵ Топоров И. Г. — внук и популяризатор творчества А. М. Топорова

Генрих Гейне и Глафира⁶

Была сильная вьюга.

Помещение, в которое я попал, оказалось квартирой ночного сторожа. Старик долго кряхтел, помогая мне стащить заиндевевшую шубу, и, отчаявшись справиться, кликнул дочурку лет четырнадцати.

— Глафира!

Девочка вскочила с полатей и кинулась на помощь. В одной руке книжка, другой тянет рукав шубы.

— Что вы читаете? — спрашиваю, чтобы как-нибудь войти в разговор.

Девочка краснеет и говорит:

— Генриха Гейне... Ах, нет, простите! Генриха Ибсена...

Я потрясен обмолвкой и, не находя слов, только покачал головой.

— Поживи у нас, голубчик, не то узнаешь, — вмешивается старик. — Тут старые бабы — и те Ибсена знают.

Я в пяти тысячах километров от Москвы, в глухом сибирском хуторе, и вдруг такой сюрприз! Четырнадцатилетняя дочь ночного сторожа коммуны «Майское утро» знает обоих великих Генрихов... Даже семидесятилетний старик правильно выговорил имя Ибсена.

⁶ Печатается по тексту: Известия ЦИК, 07.11.1928. — №260. — *И. Топоров.*

Но вот я обогрелся немного и знакомлюсь ближе с Глафирой. Она достала свои учебники, она окружила меня арсеналом тетрадей и демонстрирует школьные успехи.

Перелистываю общую тетрадь и читаю:

«Кто за мир и кто за войну?» (Сочинение.)

— Хотя заголовок у меня с вопросом, — подсказывает Глафира, — на вопрос этот можно сразу ответить, кто знает хоть немножко политграмоту.

— Правильно, товарищ Глафира.

«Не по-советски».

— Это фельетон, — продолжает ориентировать меня Глафира, — как в селе Лосиха милиционер, товарищ Сиглов, напился восьмого ноября и чуть не убил мальчика.

«Отношение русской буржуазии к Октябрю». По роману Н. Ляшко «В разлом». (Сочинение.)

«Когда Гришка уходил на фронт к белым, начинается сочинение, — то я в это время думала: чтобы Гришку где-нибудь придушило!»

«Курсы животноводства прошли успешно». (Отчет.)

«Разводите английских свиней». «Почему у нас затруднения с хлебом?»

— Глафира, в какой вы группе?

— У нас школа... — запнулась, — трехгрупповая...

Представьте поселок, в котором ежедневно, начиная с шести часов вечера и кончая одиннадцатью часами, нельзя за-

стать в домах ни одной живой души, даже грудных детей. Представьте далее клуб, в котором на заставленных столах, высланных мохнатыми сибирскими шубами, спят рядышком десять-двенадцать детишек...

Тишина. Мерно тикают часы. На сцене при свете лампы читают...

«Виринею»...

Но вот зачитана последняя страница, и книга тихо закрывается. В полутемном клубе шевелятся седые бороды, мохнатые шапки, платки...

— Та-а-к... — вздыхает ситцевый платок. — Ничего она не стремилась для общего дела. Ломалась, ковылялась, а все для своего положения.

— То-то, — замечает сосед, — ей, главное дело, нужен был самец и ребенок. За Павлом она шла так, попросту, по-бабьи. Пойди Павел за белыми, и она бы за ним.

— Верно, верно! — вмешивается третий. — Не случись греха с приходом казаков, она бы жила себе да жила с Павлом. Наметала бы ему с полдюжины ребят, сделалась бы такой же, как все, мамехой — и ша! И вся ее геройства ханула бы.

— Дивлюсь, за что эту «Виринею» прославили? Ничего в ней ятного нет. Не довел писатель до конца, до большого дела Виринею. Запутался. Что делать с Виринеей? Взял — да трахнул ее об скребушку...

Вы приходите в клуб через день-два.

Те же столы с ребятишками, та же дисциплина, те же блестящие глаза слушателей.

Судят «Правонарушителей».

— Не знаю, с какого края начать разговор, потому что везде у ней тут комар носу не подточит. Написано на отделку! Мартынов — настоящий грузило. Вот это молодец! Это любую стенку лбом прошибет. Всякую бюрократию развоюет. Самый нужный по жизни человек.

— Этот рассказ, — замечает другой, — совсем не родня «Виринею». Вот и возьми: с одной головы, да не одни мысли. Изменилась она, когда писала это. Если этот рассказ писан после «Виринеи», то авторша поумнела, а если прежде — она рехнулась.

— Позволь мне сказать, вскакивает следующий. — Я считаю равносильным смерти, что рядом с «Правонарушителями» она написала «Виринею». Так и хочется сказать: «Да, товарищ Сейфуллина, у тебя есть талант, но ты обращаешься с ним бессовестно. Не топчи, черт тебя возьми, свой талант по тротуарам Москвы, а поезжай туда, где ты писала о Григории Пескове и о Мартынове. Они у тебя хороши, народ их любит. Подобных Мартынову и Пескову людей в СССР непечатые углы, и твоя обязанность...»

Все это я видел и переживал в Сибири, в коммуне «Майское утро» в пятнадцати километрах от села Косихи Барнаульского округа, в пяти тысячах километров от Москвы.

— Поживи у нас, голубчик, не то увидишь...

Живу, смотрю, вижу, но обнять все видимое и переживаемое не могу. Не вяжется это с тем, что я знал до сих пор о нашей деревне!

Вот и сейчас. Человек пятнадцать — коммунаров и коммунарок — сидят в конторе коммуны. Мы беседуем на литературные темы.

— Конечно, паря, конечно! — горячился столяр Шитиков. — Была наша Русь темная, молилась за этих сукиных сынов всю жизнь, а теперь амба! Тоже хотим попробовать ученой ухи.

И они начинают называть перечитанных авторов, подробно перечисляя все разобранные коммуной произведения.

Лев Толстой: «Воскресение», «Отец Сергей», «Дьявол», «Власть тьмы», «Живой труп», «Исповедь», «Плоды просвещения», «От нее все качества».

Тургенев: «Накануне», «Отцы и дети», «Записки охотника», «Безденежье», «Месяц в деревне».

Лесков, Горький, Щедрин, Лермонтов, Гоголь...

— Весь Гоголь! — кричит кто-то. — Так и пиши — весь Гоголь, весь Пушкин, весь Чехов, весь Островский!

Я не успеваю записывать. Не потому, что диктуют быстро, а потому, что трудно примириться с тем, что называют эти фамилии «темные» сибирские партизаны, о которых я не могу даже сказать, когда они научились читать по-русски.

— Короленко, Некрасов, Успенский, Бунин, Писемский, Чириков, Помяловский, Муйжель, Леонид Андреев, Григо-

рович...

Чтобы как-нибудь собраться с духом, я пытаюсь перейти на абстрактные темы: о классиках, о старой русской литературе, о народниках...

— Зачем? — обижается кто-то, не поняв меня. — Мы и на новую назираем.

И снова дождь фамилий:

— Всеволод Иванов, Сейфуллина, Завадовский, Лидин, Катаев, Джон Рид, Бабель, Демьян Бедный, Безыменский, Есенин, Шишков, Леонов, Новиков-Прибой, Уткин...

— Когда вы все это успели? — вскрикиваю я.

— Восемь лет, паря! Восемь лет изо дня в день, каждый вечер в клубе.

И я снова пишу, Они обступили меня со всех сторон. Они тычут мозолистыми крестьянскими пальцами в мою тетрадь, они диктуют, а я, «московский писарь» со всеми моими гимназиями и университетами, чувствую себя в этой нахлынувшей волне щепкой...

— Мольер, Ибсен, Гюго, Гейне, Гауптман, Мопассан, Метерлинк.

— Пиши, пиши еще!

Белинские в лаптях!

Невероятно, но факт. В сибирской глуши есть хуторок, жители которого прочли огромную часть иностранной и русской классической и новейшей литературы. Не только прочли, а имеют о каждой книге суждение, разбираются в ли-

тературных направлениях, зло ругают одних авторов, одни книги, отмечая их, как ненужный вредный сор, и горячо хвалят и превозносят других авторов, словом, являются не только активными читателями, но строгими критиками и ценителями.

Мне рассказывали любопытный случай, характеризующий самостоятельность этих суждений и литературных вкусов. Не понравился как-то в коммуне писатель М. Пришвин: ему вынесли суровый приговор. Когда крестьянам указали, что сам Горький хвалит Пришвина, они ответили:

— Ну, пускай ему Пришвин нравится. А вот нам сам Горький нравится, а Пришвин — нет...

Элементарная справедливость требует, чтобы было сказано хотя бы несколько слов о руководителе культурной жизни коммуны, о человеке, которому мы обязаны за этот изумительный сюрприз.

Это — учитель. Работает он в коммуне непрерывно восемь лет и так же непрерывно уделяет все свободное от занятий в школе время читкам газет и книг в клубе. До коммуны он учительствовал много лет в той деревне, из которой вышли коммунары. Вместе с деревней он участвовал в партизанских отрядах против Колчака, вместе с коммунарками он оставил насиженное место, чтобы, перейдя в «Майское утро», продолжать двигать культуру дальше. Вначале за шестнадцать рублей в месяц, затем за девятнадцать, двадцать четыре, двадцать восемь и, наконец, начиная с 1927

года, за тридцать два рубля в месяц.

Происходит учитель из крестьян Курской губернии; образование — церковно-учительская приходская школа.

Впрочем, чтобы не затруднять читателя подробностями из биографии учителя, несколько слов о нем из местной газеты.

«Барин, который не может забыть старого. Хитрый классовый враг, умело окопавшийся и неустанно подтачивающий нашу работу. Одиночка-реакционер. Ожегся на открытой борьбе, теперь ведет ее исподтишка...» И в этом духе — полполосы, пятьсот ядовитых строк!

За что? В чем дело? Почему низвергли в бездну грязи на редкость заслуженного сельского интеллигента, вместо того чтобы поставить его в пример остальной нашей интеллигенции?! Почему?

Потому... что творить революцию в окружении головотяпов чертовски трудно, потому что героев окружают завистники, потому что невежество и бюрократизм не терпят ничего смелого, революционного, живого. Вот и все. Разве этого недостаточно, чтобы был задушен заброшенный в тайгу одинокий революционер-культурник?

Статья совпала как раз с моим приездом в «Майское утро». Коммуна нервничала, возмущалась, болела. Трогали изумленные детские лица школьников-воспитанников обруганного учителя, волновали коммунары своими бесконечными вопросами: «За что?» Но что больше всего трогало, —

так это поведение самого учителя. Он был спокоен, как никто.

— Кто травит? — говорил он коммунарам. — Мертвые души! За что травят? За живую советскую работу! Значит, никакой паники.

И только в редкие минуты, когда мы оставались одни, он открывал всю свою душу и давал волю жалобам.

— Восемь лет... Понимаете? Восемь лет они учиняют самое жуткое головотяпство, восемь лет они отбивают меня от любимого дела, восемь лет извращенно толкуют мою деятельность... Ведь это, как хотите, хоть кого может привести к убеждению, что надо меньше работать, и тогда жизнь будет спокойнее. Отвратительное убеждение! Не правда ли? И я все время отбрасываю его. Неужели мне не удастся взять себя в руки на этот раз?..

Учитель реабилитирован. К сожалению, на это понадобилось слишком много месяцев и слишком больших трудов. Но в той же газете появились иные пятьсот строк, иная статья, в которой партия вернула учителю его честное, незапятнанное имя, а заодно всенародно разоблачила головотяпов и преследователей.

Корни издевательства оказались — в зависти, невежестве и в боязни перед учителем, ибо выяснилось, что он — один из лучших и старейших сибирских селькоров! Учитель получил в 1925 году на конкурсе селькоров первую премию за «наибольшее число наиболее хороших и имевших наиболь-

шие практические результаты корреспонденций». Как это ни странно, в невольном блоке с обиженными жертвами учителя-селькора оказалась сама краевая газета.

Но кто старое вспомянет... Давайте лучше начнем сначала. В те дни, когда партией и советской общественностью объявлен культурный поход в рабочие и крестьянские жилища, в те дни, когда центральной задачей становится внедрение азбуки в цехи и клубы — в это время в пяти тысячах километров от Москвы, в Сибири, в небольшом хуторке расцветает подлинная культурная революция. И творится она — волей нашей партии — руками скромного, незаметного, никому неизвестного беспартийного сельского учителя. Он оказался сильнее десятков бюрократов, головотяпов, он победил их, и коммуна «Майское утро» входит в первую фалангу бойцов на социалистическом культурном фронте!

Давайте же запомним имя учителя:

Адриан Митрофанович Т О П О Р О В.

А. Аграновский⁷

⁷ Аграновский А. Д. — советский журналист и писатель

КРЕСТЬЯНЕ О ПИСАТЕЛЯХ

О ПУШКИНЕ

Произведения Пушкина — источник большой радости для слушателя и читателя.

ЖЕЛЕЗНИКОВА Т. Ф. Пушкин шибко радует меня... Как ребенок радуюсь на читке. Слушаю — и радуюсь и радуюсь. И хоть где печальное у него написано, а после на душе все-таки приятность. И даже где непонятное для меня немного — и то я чуяла убагодворение. Как ровно вокруг меня был праздник, люди, цветы и музыка. Так гластилось.

СУСЛИКОВ Т. И. Стихами Пушкина не налюбуйешься!

БАЕВ О. М. (по прочтении первой половины «Дубровского» неотступно приставал ко мне. — А. Т.). Расскажи ты мне, пожалуйста, что дальше-то будет! А то, понимаешь, завтра меня назначают работать на мельнице. Вернусь не скоро, а охота шибко узнать, как дело-то кончится.

ХОРОХОРДИН М. Ф. (обращаясь ко мне. — А. Т.). Я был на хлебозаготовках. В школе в эти дни не был, а тут, говорят, без меня прочитали какую-то «Пиковую даму». Все хвалят. Нельзя ли мне сейчас достать эту книжку на дом? Я бы догнал тех, кто слышал ее на общей читке...

Я ни разу не мог утолить жадности крестьян на пушкинские читки, а читал каждый раз до изнеможения. Тем не менее, закрывая книгу. Я всегда слышал умоляющие голоса:

- Читайте, читайте, пожалуйста, еще!
- Товарищ Топоров, ну хоть главку еще!
- Эх, только до сласти дошли — и бросили!
- Порвали на самом интересном месте.
- Жалко, что кончилась книга!
- Не шел бы домой!

СТЕКАЧЕВ Т. В. Для меня была беда при чтении Пушкина. Шут ее знает, как быть! Старухе моей надо слушать Пушкина, Ваське с Нюркой тоже надо и мне надо! А дома некому за маленькими глядеть. Никто не хочет домоседить. Оставить маленьких одних нельзя: чего-нибудь напрокудят. В прошлом году оставили Динку одну, она проснулась да на двор. И обморозилась. Так уж я нынче так делаю: усыплю маленьких, хату на замок — и в школу.

ПУШКИНА А. Т. Желаешь на чтении, чтобы книжка Пушкина дольше протянулась.

БЛИНОВ Е. С. (по прочтении «Дубровского»). Смотрите: не уходит публика. Все от интересу обалдели — и не идут из школы.

БОЧАРОВА А. П. Как только скажут, бывало, что книгу Пушкина будут читать, так и сумлеваешься: ох, пойти бы! Ведь знаешь, что у Пушкина пустяков не будет. И до чего

ж чтение Пушкина помнится!.. Неохота уходить с этого чтения. Моя Марина намедни бросила ужинать и побежала на чтение. Да еще что было! Лидочка, внучка, плачет, а Марина ей говорит: «Дочка милая, да побудь ты без меня, а то я пропущу Пушкина чтение».

В своем опыте я заметил крайне любопытное явление: ни один из современных советских писателей не накаляет так классовую ярость крестьян против всех и всяческих деспотов, как это делает Пушкин. Он для моих слушателей — глашатай свободы, неистовый. Неумный и бесстрашный обличитель произвола и гнета.

БОЧАРОВА А. П. Эх, посмотрели бы, какое дроженье в народе было, когда читали «Дубровского»! Я как пришла домой с чтения, так сама не в себе была. Досадно мне сделалось, рвала и метала вокруг себя. Ровно потеряла что. Не усидела дома, к сватье Алене в полночь ушла. Попадись мне этот проклятый баринишка (говорит про князя Верейского. — А. Т.), так я бы его вот тут раздернула! Кот как!

ТУБОЛЬЦЕВ И. Т. (о «Вольности»). Как же царь это пустил в печать?!

ТИТОВ Н. И. Ведь тут Пушкин клеймит царей и буржуев всего мира.

НОСОВ И. А. (о стихотв. «Деревня», «К Чаадаеву», «Лицинию», «В Сибирь»). Теперь уж так жарко никто не пишет. Ничего не боится Пушкин. Режет напрямик!

ПРОНКИН И. П. (о стихотв. «Послание к цензору»). Одновременно Пушкин ножами цензора режет, и в то же время приходится смеяться над жалкой фигурой цензора... Таких революционеров (как Пушкин. — А. Т.) история выковывает веками, из миллионов, по одному. Как Ленин для наших времен, так Пушкин для своего времени... Если бы я был на месте мужика времен Пушкина, то, несомненно, неоднократно организовал бы выступления против тогдашнего строя...

КОРЛЯКОВ И. Ф. Острее этих стихов к цензорам нельзя написать!

ШИТИКОВ Д. С. Эх, наверное, и много же у Пушкина было зла против цензоров!

ГОЛОСА:

— Теперь уж так никто не пишет!

— Только один Демьян Бедный!

— Это потому, что он за Пушкина держится!

— Оттого у него все ловко выходит!

НОСОВ И. А. Тут язык у Пушкина — огонь и бритва!

СУСЛИКОВ Т. И. Ну и жиганул Пушкин цензора!

ЭДУАРД К. К. Этот цензор был механической куклой!

СТЕКАЧЕВА П. Ф. Весь царский строй срамил тут Пушкин!

ЛОМАКИН Т. Н. Веревки вил Пушкин из дурака цензора!

БОЧАРОВ Ф. З. (о «Деревне»). И как эту «Деревню» цари не исхитили! Кто пропускал тогда этот стих, тот ни черта не

понимал. Думал, что «так, ничего». Или: «раб не поймет». Для нашей молодежи это особенно полезно знать. Она увидит, как раньше крестьянину жилось. Ленин — и тот, поди, этот стих несколько раз читал.

БОЧАРОВА А. И. Зажигает он всего человека!

БОЧАРОВ Ф. З. Пушкин вон какие мысли открывал! Взойдет ли, говорит, наконец, свободная заря?! А «по манию царя» — это ни черта! Это он маскировался, подделывался. В «деревне» два слова про «манию», а сто против «мании». В этом вся и штука!

ЗАЙЦЕВ А. А. Пушкин не сказал «восстание», а собрал шайку «разбойников». Но это убеждает: идите, ребята, берите колья и лупите барскую сволочь! Прочитал я как-то давно «Деревню» и стал высоко ценить Пушкина за его смелые революционные выражения. В «Деревне» Пушкин хотел сказать: пора обуздать бездельников и негодяев. Но в то время ему нельзя было говорить яснее.

ШИТИКОВ Д. С. В «Дубровском» черт знает сколько революционных мыслей! Ленин брал эти мысли.

ПРОНКИН И. П. А где отрыжка этих мыслей?

ШИТИКОВ Д. С. В Октябрьской революции... И везде Пушкин против неволи.

ПРОНКИН И. П. (о «Дубровском»). Роман революционен, как «Железный поток».

ШИТИКОВ Д. С. Нет, тот не годится против «Дубровского». Серафимович шел по готовому пути.

ПРОНКИН И. П. (возражая Шитикову). Когда ты слушал Серафимовича, у тебя тоже поджилки тряслись...

ЛОМАКИН Т. Н. Не затирай, Дмитрий Сергеевич, и Серафимовича!

БОЧАРОВ Ф. З. (говорит о стихотворении «К Чаадаеву»). Первая революционная мысль произошла от Пушкина. Пушкин предусматривал.

СУСЛИКОВ Т. И. И не трусил.

ЗАЙЦЕВ А. А. Пушкин желал описать Дубровского не как разбойника, а как революционера, делавшего попытки восстания, чтобы своим примером поднять за собой остальных крестьян. Пушкин делал намек крестьянам: смотрите, ребята, что делают крепостные Дубровского, а вы чего зеваете?..

ЛОМАКИН Т. Н. Когда я ближе узнал Пушкина, меня стало поражать: какой же это был великий человек! В то время никто не мог сказать против власти, а Пушкин уже предчувствовал освобождение народа. Он — самый политический писатель. По прослушании сочинений Пушкина барский быт видишь, как живую картину... У Пушкина натура — такая громада, что кажется, он мыслью своей, грудью мог бы поразить всю буржуазию. Каждый стих Пушкина горит несгораемым кустом. Сто лет горит! И никогда ему не потухнуть, потому что он заряжен таким огнем, которого ничем нельзя залить. Слова Пушкина гремят сто лет и нигде своего голоса не теряют... Уж очень занятны сочинения Пуш-

кина! У него — и любовь, и революция, и космическое — все вместе. А внутри у тебя остается ненависть от чтения к тому, кого сам Пушкин ненавидел. По-моему, чем дальше, тем больше будут считать Пушкина революционным. Сейчас мы его считаем революционным, а через двести лет он будет еще пуще удивлять людей своими революционными книгами. И конца им не будет, пока свет стоит. Мы ценим великую политическую идею Ленина, а Пушкина ценим так же, как великого писателя.

ЗАЙЦЕВ А. А. Смело писал Пушкин. Кто бы мог тогда проявить революционность больше Пушкина! Говорят, царь приказал Пушкину написать о пугачевщине в таком виде, чтобы Пугачева считали грабителем и разбойником. Но Пушкин сделал так, что желание царя исполнил, а пугачевщину описал так, что это не бунт, а великое народное восстание. У него просто, без всякой канители солдаты отворили ворота крепости и добровольно присоединились к повстанцам. Выходит, что ни один солдат не хотел проливать ни капли крови за «царицу-матушку Екатерину». Здесь Пушкин дает понять, что гарнизон давно ждал Пугачева как избавителя. И вместо того, чтобы вступить в бой с пугачевскими ребятами, пошел вместе с ними глушить дворян.

ШИТИКОВ Д. С. По Тимофеевым словам про несгораемый куст мне вспомнилась сказка из Библии о неопалимой купине. А дальше мозга мои шибануло на другую умную сказку из Библии — об огненном столбе. Та еще лучше под-

ходит к Пушкину. Когда Моисей вывел евреев из египетского царства, то повел их по страшным местам. Надо было утекать шибко, а то фараоны настигнут. Ночью было худо бежать людям. Тогда бог послал им огненный столб. И шел этот столб впереди массы и освещал ей путь во тьме. А масса шла из рабства к свободе... Так и Пушкин. При царской тьме он, как огненный столб освещал угнетенному народу путь к свободе. Теперь у нас полная свобода, и мы говорим душевное спасибо Александру Сергеевичу Пушкину!

Но есть еще за границей рабы. Он и для них есть тот же огненный столб. И мы, советские люди, гордимся, что вместе с Лениным и наш народный поэт ведет к свободе угнетенных всех стран. Вот я как понимаю теперь Пушкина... А еще скажу вот что. Пушкин и всем писателям — и советским и заграничным — тоже служит огненным столбом. Только уж по другому делу: указывает, как надо писать, чтобы писание было для народа и умное, и картинное, и политическое, и душезаношливое. Чтобы и бородатый, и безусый, и бабка, и внучка поняли литературу без всякой памороки в головах.

Пушкин настроил читателя против рабства. Всех бар Пушкин изобразил уродами. Ты видишь одних уродов. То они какие-то губатые, то крючконосые, то как тумбы, то психопаты. Ну, негодные люди!.. Каждый стих Пушкина гласит к вере правильной, к революционной. В «Станционном смотрителе» показано, как насаждалось распутство и безответственность. Возьмем «Бахчисарайский фонтан». В нем ска-

зано так много, что уму непостижимо! Что из себя изображает гарем Гирея? Это — самое наихудшее порабощение женщин. Если прочесть «Бахчисарайский фонтан» даже самой отсталой деревенской женщине, — и та скажет: «Чтобы ты провалился, этот Гирей, со всею своей властью и религией!!» Когда будешь читать лекцию по женскому вопросу, то невольно вспомнишь «Бахчисарайский фонтан». И люди сразу поймут, какое было отвратительное положение женщины, сразу отвратятся от религии и буржуазии... Во всех своих произведениях Пушкин дал читателю понять, что действительно вся царская Россия загнила, и нет у нее ничего, чтобы продолжить свое существование. Читателю сразу бросается в глаза, что надо было перевертывать все вверх тормашками.

ПУШКИНА А. Т. Пушкин в своих стихотворениях ровно изгонял старую жизнь, опровергал ее. Чувствовал он, что будет впереди. Хоть урвет-урвет, а все подкапывается под помещиков. Жалил он разных князей и помещиков.

СУСЛИКОВ Т. И. Простота, сила и ясность — все это затрагивает. Ума в Пушкине — это редкость! Острота речи — бритва! Кто хочет быть настоящим писателем, тот должен учиться у Пушкина. Правда, чтобы понять всего «Евгения Онегина», надо знать много философов и французских писателей, но и при чудных именах (имеет в виду иностранные слова. — А. Т.) главное в «Евгении Онегине» понятно.

БОЧАРОВА А. П. Стрелой жег Пушкин господ!

БЛИНОВА Т. П. Я и то понимаю, что он дворян, попов и царей осекал.

БОЧАРОВА А. П. Он — первый подстрекатель к революции, как Ленин. Пушкин только потихоньку, урывком делал революцию, подвид сбору разбойников. Его и в ссылку ссылали, а он все своего добивался. Смотрите: за сто лет до нас как он жизнь понял! Как же не ценить такого писателя?!

КРЮКОВ М. Ф. У нас теперь иные глаза. Мы видим у Пушкина революцию, потому что обтерлись в классовой борьбе. А раньше у крестьян туск на глазах лежал, потому они и не видели у Пушкина революционного настроения, а только видели одно художество. А теперь от всякой художественной книги давай нам и революцию и красоту всякую. Мы теперь не те, потому что культура по народу разлилась и туск спал с глаз.

ПРОНКИН И. П. Мы, современная масса, далеко ушли от людей ста лет тому назад. В тот момент и многие интеллигенты искали у Пушкина не революцию, а отдыха. Искали красивую книгу с перевитыми узорами слов. Теперь масса выросла всесторонне в умственном развитии. Сейчас мы требуем от произведения художества драматических переживаний и классовой борьбы. Требуем и сильного, красивого слога. Это потому, что мы культурно выросли. Классовая борьба отшлифовала человека.

Произведения Пушкина дали коммунарам «Майского утра» полную и живописную картину

современной поэту России.

СТЕКАЧЕВ И. А. Прочти Пушкина — и все будешь знать, как жилось в то время. Без истории будешь знать.

БЛИНОВ И. С. Прочти Пушкина — вот тебе и вся наглядная история старой жизни. Всех людей и все их дела тогдашние будешь видеть и знать, дурные и хорошие.

ЭДУАРД К. К. Пушкин дал все видимое прохождение жизни. Он предвидел все.

ЛОСЕВА П. В. Хотя я и не видела бар, но теперь знаю их из сочинений Пушкина.

БОЧАРОВ Ф. З. Когда наша молодежь будет читать такие книги, ее будет за душу тянуть, что в такое-то время была такая-то гадость и что, если мы сейчас упустим власть, опять то же будет.

БАЕВ О. М. Был у нас такой пример. В деревне Королевой хорошо было все пошло в 1917 году, когда фронтовики власть забрали. А потом эсеры пришли и старосту назначили. А потом Колчак. И пошли порки, выгрузка хлеба и все такое! До самой партизанщины это шло, пока не свергнули Колчака.

Образ Пушкина-гуманиста, защитника всех обездоленных людей, до слёз трогал крестьян.

ШУЛЬГИНА А. Г. И везде Пушкин держит обиженных людей под своим крылышком. Не дает их в обиду, заботится о них. Вот какой приветливый он человек. (Вспоминает

«Станционного смотрителя». — А. Т.). Кого он жалеет? Отца Дуни или офицера? Ну, видимое дело, отца. А этого стерженика-офицера он утопить желает. И я того желаю.

ШИТИКОВ Д. С. Интересны песни Пушкина. Например, «Зимняя дорога». В свое время она черт знает как осмеивала старые порядки. В то время, если человек сидел на облучке, его уныние брало. Ему хотелось петь, а как и что — не знал. А Пушкин сразу нашел эту песню. И она вошла в душу рабочего человека, как заморская пташечка! И этой песней Пушкин срамил правительство. Из песни Пушкин раздул политику. Раздолье у нас было, но буржуазия не умела построить на нем жизнь.

СТЕКАЧЕВ Т. В. Про Ленского Пушкин писал большие мысли. И эти мысли — о нем. Сам Пушкин пошел по дорожке Ленского. Я читал у Вересаева про дуэль и смерть Пушкина. И мне было до того жаль Пушкина, что я даже останавливался читать и не выдерживал, бросал книгу. И дивился: какая у Пушкина была мягкая душа! Он жалел жену, страдал, но не показывал виду. Все ей говорил: я оздоровею...

Изумляли коммунаров и широта тематики Пушкина и пронизательность его художественного взора, умеющего в малом найти важное, интересное, типичное.

БОЧАРОВА А. П. У Пушкина вся картина собрана по маковому зернышку.

ЛОМАКИН Т. Н. К книгам Пушкина из жизни много

примеров подходят. А если он начнет описывать леса, луга, поля и реки или что другое, то никто не найдет у него ни одной дыры. Все он подчеркнул! Ну все видно! А «Деревня»? В маленьком стихе Пушкин сумел показать все рабство, и чем оно должно закончиться. «Здесь девы юные цветут для прихоти развратного злодея». Вот какая трогательность! «Взойдет ли, наконец, прекрасная заря?»

СТЕКАЧЕВ Т. В. На что Пушкин не глянет, все это берет и в одно сливает. И все как-то у него к делу идет. Ни с того, ни с сего. Речка, луга, роща — и все приходится! Как у хорошего плотника: из плохого дерева хорошее выходит. Хороший Пушкин мастер! С малым инструментом многое может.

БОЧАРОВ И. И. И ровно как ни за что Пушкин уловится, за маленький крючок уловится, а уж глядишь — через минуту за канат ухватится, и такая мысль выворачивается!

ПРОНКИН И. П. У Пушкина можно найти сочинения по любому вопросу. Идеи у него крупнейшие!

ТУБОЛЬЦЕВ Н. Т. Пушкин пишет так, как будто видел в жизни все.

Из всех писателей, прочитанных мною в аудитории «Майского утра», ни один не возбудил в головах коммунаров столько мыслей, сколько зажег их Пушкин.

ШИТИКОВ Д. С. А картины «Дубровского» и веселье и кругозор дают. Есть мысли напряженные, есть и легкие, приятные. То радуют, то увлекают (к публике. — А. Т.). Помните, как вы все заволновались, затолклись, когда Ма-

ша не пошла за Дубровского? Мы все начали искать корень зла. Где враг? Буржуй, поп, религия. Если бы Пушкин при последе сказал нам, что Дубровский сошелся с Машей, — барин наверху бы остался. Буржуи были бы довольны, а мы по классовому чувству должны быть недовольны буржуем. Пушкин так и сделал, а это и надо. Мы теперь религию в корне разочаровываем!

БОЧАРОВА А. П. Слушаю я ушами, а оно своим чередом у меня в нутре перерабатывается. На каждое слово Пушкина десять слов своих нарастает. Ох, и разворочало у меня котелок! Ни в каком случае никто не годится супротив Пушкина. От Пушкина у меня большая голова стала. Пушкин — настоящий бог! Раньше говорили, бог на небеси, но мы его не видели там (смеется). А этот на земле был. А ежели бы еще Пушкина подновить (т.е. прочесть снова. — А. Т.) да разжевать бы каждое слово, тогда далеко оно полезет! А то у нас чтение трубой шло, как радио: ту скорей ловишь, а ту упустишь.

ТУБОЛЬЦЕВ Н. Т. Сперва на чтении Пушкина как будто халатно сидишь, а потом голова вроде как затуманиться от думы. Думает, значит, человек. Люблю я эдак.

ПУШКИНА А. Т. Уж шибко много разговоров о Пушкине между нашими людьми. Уходишь с чтения Пушкина домой и долго вдумываешься и даже на работе думаешь. Бабы зачнут о чем-нибудь рассуждать — нет-нет да и придёрнут Пушкина. Вот, скажут, как у Пушкина сказано. У Пушкина

подробностей мало, а ты сам дальше обдумываешь.

БЛИНОВА Т. П. Ко всему писанью Пушкин серьезно относится. А на душе вертит от чтения, и не перестает все время. Слова-то уж шибко хорошо имаются! В голове все время один смысл к другому ладишь. И этта все развязывается! Загадывает он нам мысли наперед. Вот и мыслишь эти мысли беспрерывно...

СТЕКАЧЕВ И. А. Умные мысли рассыпал Пушкин по всем своим произведениям.

ПУШКИНА А. Т. Настойчиво хотелось мне слушать Пушкина. В голове от чтения скопляется все кругом-рядом. И ты всю картину себе в голове ясно описываешь, и сама мыслишь.

НОСОВА А. С. Начинают читать Пушкина — и у тебя в голове сразу мысли заходят...

Героев, созданных Пушкиным, коммунары принимали не за поэтический вымысел, а за подлинную явь. Во многих случаях яркость изображения была настолько сильна, что описываемое физически ощущалось слушателями.

СУСЛИКОВ Т. И. (при чтении сцены издевательства Трокурова над Машей срывается со скамьи, обращается к аудитории и тоном полного отчаяния вопрошает ее). Но как?! Как спасти Машу?! (Аудитория бурлит. Чтение прервано. Предлагаются варианты спасения Маши. Разгорается спор).

ШИТИКОВА М. Т. (обозлившись на спорящих за раз-

рыв нити повествования, раздраженно кричит на них). Да заткнитесь вы! Мешаете слушать! Ну вас!!

ТИТОВА А. С. (по прочтении «Дубровского» горестно вздохнула). Жалко ж мне Машу! Вот бы я посмотрела, как-то она, бедная, теперь живет!

НОСОВА А. С. А как русалки-то купались! Брызги летят, серебрятся! И у меня тут были летние ощущения. Передо мной была река, трава... Читали мы «Русалку» зимой, у меня ноги замерзли, а я все воображала, что купаюсь вместе с русалками. И про ноги свои забыла. Это значит, что Пушкин шибко завладевает человеком. Живешь с тем народом, который Пушкиным описывается. И так везде. А типов-то как дает Пушкин! Например, рыжий мальчишка в «Дубровском», прямо, ну Ераски Легалова мальчишка!!! Ноги грязные!.. А Маша сидит у окна, и мне все это представляется. А отец Маши, чувствуется, как Иван Васильевич Забурдаев, бывший старшина. У него дочь задавилась оттого, что насильно выдал замуж... Берешь пушкинского типа и начинаешь с ним в уме шнырять по своим знакомым, нет ли где такого. Вот они и даются тебе.

ТИТОВ Н. И. (к описанию красоты дочери Кочубея). Я таких красивых не видывал. От такой с ума сойдешь!

ЛОМАКИН Т. Н. Мазепа — супостат!.. Недохваток у Пушкина в описании какого-нибудь типа не бывает. Как статуя слепит! И уши, и глаза, и нос, и все у него тут будет. И сапоги он ему подберет, какие надо.

ЗАЙЦЕВ А. А. Герои описаны, как настоящие, живые. Прочитаешь про какое-нибудь лицо — и кажется, что ты с ним давно познакомился. Пушкин описал крепость в «Капитанской дочке» так, как будто я там сам был, и недавно был.

ПУШКИНА А. Т. (мечтательно и грустно, вспоминая Машу Троекурову). Вижу вот Машу: вся в брильянтах, сряжена, а отдают за старика!

БОЧАРОВА М. Т. (о «Русалке»). А как князь разговаривал-то с сумасшедшим мельником» (Вздрагивает.) Ох, меня и сейчас страх и жуть одолевают! Я, говорит, ворон...

ТИТОВА А. С. (О «Пиковой даме»). Не посадили, говорит, старую графиню в карету, просунули в дверцы. Это писатель смеется над ней. А гости кланялись графине, как монашки игуменье.

БОЧАРОВ Ф. З. (хохочет). Графиня-то, как бабка Варениха перед смертью бритая!

Во время чтения «Евгения Онегина», «Дубровского», «Полтавы», «Русалки», «Цыган», «Капитанской дочки» и др. произведений аудитория то затаивала дыхание, то взрывалась в негодовании, восторге, изумлении, сожалении и т. д.

БЛИНОВА Т. П. (при описании блужданий Владимира в «Метели»). Эх, не найдет дорогу!

СТЕКАЧЕВА П. Ф. Пропал-пропал!!

БОЧАРОВА М. Т. Не дождется его Маша!

БОЧАРОВА А. П. (после прочтения слов Бурмина «Я же-

нат» ликующе кричит). А, этот воскрес, прежний жених!!

ГОЛОСА:

— Не этот!

— Ничо еще понять нельзя!

— Да кто же это такой?!

ЭДУАРД М. А. (после слов из «Пиковой дамы» — «лакеи вынесли под руки сторбленную старуху, укутанную в соболью шубу», смачно плюет и кричит). Когда же тебя черти возьмут!!

(Продолжительный хохот всей аудитории. Голоса возмущения. При чтении фразы: «Часы пробили первый и второй час утра, — и он услышал стук кареты» — аудитория сначала замерла. Потом послышались в ней пугливые перешептывания.)

КОРЛЯКОВА Н. В. (О Германе). Захватят его!

БОЧАРОВА А. П. Ах!!

СТЕКАЧЕВА М. Е. Чо же он стоял-то до сих пор?!

ТИТОВА А. С. Весь, поди, истомился!

ТУБОЛЬЦЕВ Н. Т. (о графине). Ведьма!

ЭДУАРД М. А. Одной ей хорошо было, а миллиону народу — плохо!

ГОЛОСА (при чтении сцены появления Германа перед графиней). Ой!!

СТЕКАЧЕВА П. Ф. Убьет он её!

ТУБОЛЬЦЕВ И. Т. (при чтении сцены появления перед Германом призрака графини). Во! Пошло! Спятил!!

ЗУБКОВА В. Ф. Чудится ему!

СОХАРЕВ И. А. (о Троекурове). Подъ ты к черту, собашник!

СТЕКАЧЕВ И. А. (об отряде повстанцев в «Дубровском»). «Красные пики», как в Китае.

ШИТИКОВ Д. С. «Голодные желудки» против мандаринов.

БОЧАРОВА А. П. (о выстреле Дубровского в медведя). Уметил!

(В аудитории ликование)

ЭДУАРД М. А. (при словах, сказанных Дубровским Спицыну: «Тише, молчать или вы пропали. Я — Дубровский»... вскрикивает на всю школу, крутит головой и бьет себя руками по бедрам). Ох-ох-ох!!!

БОЧАРОВА А. И. Спасся Спицын!

ЗАУГАРОВ Н. В. Выбрал себе спасителя!

(В аудитории длительный общий хохот.)

ТИТОВА А. С. (о Верейском). Деточка-то постарше отца.

СОШИНА Е. И. Эх, не мог же Троекуров раньше отдать дочь!

БЛИНОВА Т. П. Сразу мне на сердце камень пал.

ТИТОВА А. С. Ну, и закон же был про женщин! Ишь, страшный черт, чо управлял! До молодой добирался!!

ШИТИКОВ Д. С. Бары были просто скоты безрассудные!

ТИТОВ В. А. Отнимали век у молодого человека.

ШИТИКОВ Д. С. Эх, как слово «Дубровский» колонуло

в живот Троекурова!

БОЧАРОВА А. П. (после описания сборов Маши к венцу). Ох, тошно мне!!

ГОЛОСА:

— Пропало дело!

— Скрутили!

— Вот сволочь старая!

БЛИНОВА Т. П. (при чтении описания нападения Дубровского на свадебный поезд). Старый чёрт! Еще стрелять!

ГОЛОСА:

— Гад!

— Окаянный!

— Самого бы его пристрелить!

— Эх, Маша, Маша!!

ПУШКИНА А. Т. Ох, горе, ох, горе! Горе-то, горе!!

ШИТИКОВА М. Т. Везде Дубровский вывертывался, а тут не поспел до венца.

(Как только было закончено чтение картины Полтавского боя, вся аудитория задвигалась и в единый дух произнесла: «Ух!!»)

ШИТИКОВА Д. С. Картина! Конкретно пишет!!

БЛИНОВА Т. П. Немного всего обсказано, а всего человека растревожило.

КОРЛЯКОВА Н. В. (после чтения «Русалки»). Аж сердце обрезает!

БАЕВ А. М. (после чтения «Анчара»). Это прямо смер-

тоубийство!

СТЕКАЧЕВА П. Ф. Прямо сердце заходится и высказать невозможно как.

БОРИСОВ М. К. (о Белогорской крепости и её обитателях). Вот где старобытность-то!

ЛОМАКИН Т. Н. Насадил царь какое-то дерьмо в крепости. Сорок кривых.

(Чтение сцены предъявления Савельичем «реестра» Пугачёву- то и дело прерывалось безудержными раскатами хохота.)

ШИТИКОВ Д. С. Вот где репарация-то!

БОЧАРОВА А. П. Рот разинувши сижу и слушаю. Сцеплено — не растащишь слова!

СТЕКАЧЕВ Т. В. Слушаешь стихи и сказы Пушкина и настораживаешься. Весь как струна!

ПУШКИНА А. Т. Чувствуешь себя на чтении, ровно лежишь. Уставуришься и не мигнешь глазами. Ничего мы интереснее Пушкина не читали.

ПРОНКИН И. П. И во всех драматических произведениях чувствуется такое положение: сидишь, и тебя все время поднимает, поднимает. И когда дело к развязке, аж тебя затрясет всего!

БОЧАРОВА А. П. На чтение Пушкина не сидишь на месте, а тебя ровно всего подымает от земли кверху. Сидишь, вся трусишься, как рыба на удочке, а то как замерзнешь вся. Ты от одного слова изумишься, тут на тебя другое налетает.

Пушкин — это как вулкан (мой Ванюша читал про вулканы).
Всю тебя заливают и обжигают...

БОЧАРОВ А. И. Как белая графиня появилась Герману, я аж обмер! Ровно ножом мою шкуру полосовали, а не больно.

БОЧАРОВА М. Т. Когда в «Русалке» дочь мельника запела песню на свадьбе, то песня эта изменила меня всю! Мне стало страшно...

Причудливая, ежеминутно интригующая и неизменно правдоподобная фабула Пушкина приводила в восхищение всю аудиторию.

БОЧАРОВ Ф. З. Пушкин в рассказах путаницу заводит, но эта путаница интересуется, затягивает слушать, заставляет напряженно ждать конца. А многие нынешние писатели путают плохо.

НОСОВ И. А. У Пушкина и приятная и неожиданная путаница. Вот возьми сегодняшнее чтение. Зашел Герман к Лизе. Думаешь, он с нею тут будет, а он вот что проделал: к графине затесался!

ТИТОВА А. С. (о других авторах). А есть путаница досадная!

НОСОВ И. А. Ну, куда же еще запутаннее вчерашней «Метели»! Или сегодняшней «Пиковой дамы»! Стали венчаться. Думаешь, офицер — жених, а оказывается — нет! Тю, черт тебя возьми! И сегодня так же. Но в этих рассказах загадочность близится к практической жизни.

ШИТИКОВА М. Т. Современные писатели как-то все по-

дробно пишут, все открывают наперед. Все у них знаешь, что дальше будет. А старые писатели ведут-ведут, завязывают-завязывают, а потом сразу узел с тайнами и развязывают!

ТИТОВА А. С. Даже и не подумаешь того, что напоследке рассказа случится.

СОШИНА Е. И. Конца нету интересного в этой «Русалке».

СТЕКАЧЕВ И. А. Если бы Пушкин продолжил, то потерялось бы интересное.

ТИТОВА А. И. Сростить бы нельзя было: посредине была сказка, а потом должна бы быть правда.

БОЧАРОВ Ф. З. У Пушкина никогда конца не узнаешь. Не узнаешь, куда он повернет.

СТЕКАЧЕВА П. Ф. Вот читают, думаешь: хорошо все обойдется, а потом как повернет — и тебя всего затревожит.

ЛОМАКИН Т. Н. Мы уж теперь применились к Пушкину: не узнаешь, чем у него рассказ закончится. Так что необходимо дослушать произведение до конца. Ну, кто ж бы подумал, что Евгений не возьмет Татьяну?! Или — что она откажет ему?! А когда она отказала — верно все! Совершенно правильно! С ним Татьяне плохо стало бы жить. Конец рассказов у Пушкина короткий, отрубистый, неожиданный. И Пушкин так последнюю лычку подоткнет, что и кончика не найдешь!..

СТЕКАЧЕВ Т. В. С краю в рассказах Пушкина не разберешь, куда же это он ведет. А потом — рраз! — и все рас-

крывается. И тебе большое удовольствие от этого. Потому что одним словом Пушкин сразу все раскрывает. Про Пушкина не скажешь: на что это он писал, это да это? У него все отшлифовано, как у хорошего оратора.

ЗАЙЦЕВ А. А. Пушкин не комический писатель, а смеху у него не огребешься. Как будто бы и неоткуда в «Капитанской дочке» смеху взять, а смех и смех.

НОСОВА А. С. Как слово «крепость» скажут, так и смех берет.

ЛОМАКИН Т. Н. (хохочет). Какой-то Иван Игнатьич?! Хромой, кривой... Ну в глазах стоит! И эта ихняя там пушка... Аж живот до болезни надорвешь от смеху на них!

Коммунары отлично поняли и почувствовали, что гений Пушкина одинаково велик во всех литературных жанрах.

СТЕКАЧЕВ И. А. У Пушкина — все первый сорт. Разные маленькие стишки большой мысли нам хоть и не дают, но они складом своим дороги. А Пушкина каждый человек должен знать полняком. Обязательно. Его стихи не тем, так другим хороши. И лучше их нет. Пушкин во всех видах хорош. Роман у него — так роман, стих — так стих, острота — так острота! Во веки веков Пушкин не устареет...

Пушкин — наш современник, только теперь он раскрывается во всем своем величии.

БОЧАРОВА А. П. Говорят, он старый писатель. Ну нет!

Пушкин только что родился! Только что теперь он воскрес! Каждое его слово золотить надо. Ты смотри, как от него у народа вертело и кипело! Только теперь разрослась та привидная картина, об которой Пушкин наперед угадал. Какая голова была у Пушкина, сколько она смыслила!

БОЧАРОВА М. Т. «Памятник» -то? Как тут не почувствуешь?! В теперешнее время Пушкин был бы неоценимый поэт. Это — пророк!

БЛИНОВ Е. С. Теперь началось второе пришествие Пушкина на землю.

Язык, стихи, композиция произведений Пушкина включает в себе какую-то непонятную, но неотразимую силу обаяния.

ЗУБКОВА В. Ф. Много я читала допреж Пушкина, а и теперь он у меня на памяти. Но только я его фамилии не глядела. В коммуне надоумили. Стала глядеть. И теперь вижу, что самые лучшие стихи и рассказы — все Пушкина и Пушкина.

СТЕКАЧЕВ И. А. А насчет складу про Пушкина и говорить нечего. Весь Пушкин удивляет, весь поражает. Лет девяти я читал «Капитанскую дочку» — и до сих пор сохранил ее в памяти. Сказки его тоже все читал в детстве. Ребятишкам они незаменимы... А как у нас-то слушали Пушкина! Кончат читать — и все разомлеют, не знают, что и делать. Сила, секрет какой-то в словах Пушкина! У него и то и другое — все аккуратно. Сравнения Пушкина — не «месяц в оглоблях». У него на художественных сравнениях не запина-

ешься. У нынешних писателей больше образов и сравнений, но они надоедают. У Пушкина их меньше, они между делом, а выходят лучше.

БЛИНОВА Т. П. Шибко хорошее у него уклоненье в речи.

ПРОНКИН И. П. Как на легких рысях несет тебя Пушкин. Это — какое-то сладкое вино! В части описания природы Пушкин не имеет себе равных. И, вероятно, их долго не будет. И лирика, и все, что угодно, льется у Пушкина рекой. Стихи вольны, без принужденья. Не высасывались они из пальца. Пишет Пушкин стихи, как будто в игрушки играет!

СТЕКАЧЕВ Т. В. Много нам читали книг, читали и плохих и хороших писателей, но когда прочитали Пушкина, то ровно после ржаного хлеба поели свежего пшеничного! На чтении Пушкина даже самые отчаянные курцы не выходят курить до самого перерыва... А как он крыл цензора и правительство! И попам от Пушкина досталось. В «Балде» Пушкин осмеивает попов... Он пишет стих про природу, а все-таки и тут дворян да стукнет незаметно... У Пушкина все правильно. Слушать его легко. Ровно ты сидишь где-то, а кругом тебя аромат от душистых цветов! А некоторых поэтов слушаешь, как в табачном дыму сидишь. Слова у Пушкина как будто были внутри давно наготовленные. Пушкин пишет стихи, как рассказывает. Ребенок поймет.

СТЕКАЧЕВ И. А. Фразы у Пушкина вообще укладистые и легкие. Из одной фразы во-о-о какая картина раздувается!

Писание Пушкина как алмаз: вещичка маленькая, а стоит дорого.

ПУШКИНА А. Т. Описывает он картины. Все у него слаженно прилегает. Ничего не забывается. Все просто. И всего человека Пушкин явно вырисовывает. У Пушкина не размазано, не разведено, а все ясно. Слова как будто украденные (т.е. их мало. — А. Т.), а все в них выписано, все понятно, и ничего больше не надо.

НОСОВА А. С. Ловко все смешано: и смех и горе. Всего в меру.

ЛОМАКИН Т. Н. Слова у него идут такие мягкие, гладкие, и все у него кольцо за кольцо заведено. Есть у Пушкина непонятные русскому человеку слова, но они общему смыслу не мешают. Хоть и пробросишь непонятное слово, — дальше есть увязка, за которую ты можешь пойматься. И прореха не мешает. Какие бы непонятные слова Пушкин не говорил в «Евгении Онегине», а все-таки Онегин ясен: ветер. И не скажешь, что он — хозяйственник... У Пушкина иностранные вклинки (т. е. слова. — А. Т.) нам не помеха. У других писателей некоторые слова не поймешь потому, что главный тип не крепко обрисован...

НОСОВА А. С. Я просто не могу выразить, как мне понравилось у Пушкина. Пушкин умеет подойти к чувствам человека. То вдруг невольно засмеешься, то такую драму затеет, что сердце жметя и плакать хочется.

ЛОМАКИН Т. Н. Что еще хорошо у Пушкина? Он нико-

гда не берет сначала много актеров (т. е. героев. — А. Т.). Он их берет по сцене, чтобы можно было оставить их в голове читателя. Если в первой части у Пушкина есть какой-нибудь актер, то когда ты встретишь его в шестой части, сразу вспоминаешь, что он из себя представляет и зачем он здесь появился. Все главы у Пушкина, как на резине: растягиваются. А у многих нынешних писателей есть и так: обрисуют в первой главе актера, а когда встретишь его в пятой или шестой главе, то уж не помнишь, для чего он там. Главаря-то, может быть, упомнишь, а пристяжных непременно забудешь. Их же нельзя в голове держать. А ведь в книге не дорого количество, а качество. Нынче писатель больше все из карманов вытаскивает актеров и сажит на сцену. Через десять страниц только разберешься, зачем они тут появились...

Общее впечатление от произведений Пушкина коммунары «Майского утра» выразили в следующих высказываниях.

БОЧАРОВ Ф. З. Пушкин выявляет в «Борисе Годунове» подлость самодержавия и как масса не желала царей. Вишь, луком глаза натирал народ, чтобы «плакать» о царе (смеется). Но если бы у старых писателей не было таких мыслей, то не было бы и революции. Оно ведь по такой вот крошке собиралось, значит, революционные мысли. Они к одному и собирались.

ЛОМАКИН Т. Н. Когда слушаешь сочинения Пушкина, то в душе у тебя такое настроение, как будто дожидаетесь ка-

кого-то важного гостя или счастья. И нет у тебя той силы, чтобы уйти с чтения.

ШИТИКОВ Д. С. Критиковать Пушкина надо с волнением энергии. Хотелось бы мне говорить о каждом его произведении детально и как оно настраивает человека, но это невозможно. Невозможно придумать, с чего начать. Оно придумать-то возможно, но очень много надо говорить... Сколько есть произведений Пушкина — и по всем я мог бы рассказать всех их подход и с точки зрения художественной и политической. В произведениях Пушкина я нахожу то, что теперь делается в жизни, в социалистический век. Пушкин пишет о многом, обо всем. Пушкин против буржуазии... Пушкин тем и хорош, что писал будто бы о Гришке Отрепьеве, а на самом деле высмеивал старый строй. Он показывал самые его отвратительные стороны и тем самым раскачивал умы простых людей. Все большие произведения Пушкина склонны к одному: есть поработители и порабощенные... Перехожу к складу слов Пушкина, но я не буду подробно разбирать его лиру: некогда. Вот мне какая мысль упала в голову. Другие говорят, что у Пушкина в рифме много глаголов. Да ведь в глаголах Пушкина — существительное и материализм получается! В этих глаголах Пушкин говорил, что будет время, когда солнце взойдет!.. Мы разбирали Пушкина бегло. А ежели бы разбирали каждый его стих, каждый принцип, то дали бы исторический материализм из его поэзии. Про стих «Обвал» я думаю так. В нем и причина и ху-

дожество. В искусстве — звук обвала. Тут в ушах и глазах — обвал. А смысл такой: какой бы обвал на ручей не обвалился, он его проточит.

БЛИНОВ Е. С. Какая бы громадная лапа ни лежала на народе, а когда-нибудь народ ее низвергнет.

СТЕКАЧЕВ И. А. В «Памятнике» Пушкин не гордился, а узнавал себя. А памятник Пушкину остался не тот, который в Москве, а вот стихи. Его не заслонишь никакой фигурой.

БОЧАРОВА А. П. Пушкин мне предвидится как преогромная гора, на которую не взглянуть, ни взъехать, ни взойти! Вот какой вид по моему зрению в глазах кажется. Престрашенная, огромная и явственная картина. И глазом ее, такую махину не окинуть!

Примечание. В 1928 году редакция журнала «Красная Нива» обратилась ко мне с просьбой — написать небольшой очерк на тему «Пушкин в избе-читальне». Она хотела показать своим читателям, как гениальный поэт воспринимается советскими крестьянами в эпоху социалистической революции.

Я провел «массовый смотр» произведений А. С. Пушкина и записал отзывы коммунаров.

Признаюсь: перед читками я втайне боялся, что такие творения, как «Евгений Онегин», «Русалка», «Бахчисарайский фонтан» и т. п., — пройдут мимо внимания моей аудитории как отголосок старины глубокой, не интересной человеку на-

шей эпохи. Но я жестоко ошибся!..

Читки произведений А. С. Пушкина тянулись около двух месяцев. Едва я объявил их — по коммуне пошло такое сильное возбуждение, точно все ее население готовилось к небывалому торжеству. И больше всех волновались, суетились и ликовали те коммунары, которые раньше не раз читали Пушкина. А пионеры и комсомольцы просто выходили из себя.

— Пушкина будут читать!

— Даешь Пушкина!

— Послушаем еще разок!

— Сегодня Пушкин!

— Давно уж его не читали!

Коммунары лихорадочно спешили пошабашить дневную работу, чтобы вечером не опоздать в школу на читки. Еще задолго до звонка гонга-шабалы школа была набита слушателями. В конце вечера каждый раз температура становилась «банной».

Нет возможности описать здесь подробно каждое чтение.

Коммунары, читавшие произведения Пушкина по несколько раз, все же не уходили с читок, а сидели в школе. С увлечением они разъясняли соседям прочитанное или добродушно усмехались над ошибочными предположениями о развитии сюжета, или предупреждали, что «вот-вот будет очень интересное», а потом «самое интересное»...

А. С. Пушкин заполнил головы коммунаров, стал власти-

телем дум. На работе слушатели рассуждали о нем, сравнивали его со многими современными писателями. Там и сям в коммуне возникали летучие диспуты между отдельными лицами и группами коммунаров...

Мои пояснения к некоторым произведениям А. С. Пушкина были предельно краткими. Они касались либо непонятных мифологических имен, либо исторических лиц, фактов и событий, послуживших поэту поводом или канвой для его произведений.

Всем творениям Пушкина коммунары широко раскрыли свою душу. Даже легкие, игривые плоды фантазии поэта, как например, «Адели», «Прозерпина», «Амур и Гименей», «Стансы», «Коварность», «Наперсник», «Торжество Вакха», «Виноград», «Царскосельская статуя» и т. п., — были прослушаны коммунарами с неослабным вниманием...

Я прочел коммунарам «Бахчисарайский фонтан», «Цыган», «Черную шаль», «Талисман», «Анчар», «Египетские ночи» и пр. — и увидел, что мои слушатели не только понимали смысл этих произведений, но и считали их совершенными по форме...

Не могу не сказать и о моем самочувствии при чтении произведений Пушкина. Читаю, бывало, и остро ощущаю сотни воткнувшихся в меня глаз. И от этого в душе было сияние и легкий взлет...

Отзывы коммунаров «Майского утра» о произведениях А. С. Пушкина составили довольно объемистую рукопись.

В 1932 году я написал Викентию Викентьевичу Версаеву о желании встретиться с ним, чтобы показать ему мою работу. Глубокий исследователь жизни и творчества А. С. Пушкина немедленно отозвался. Ознакомившись с рукописью, он одобрил ее и посоветовал приберечь ее до очередной пушкинской даты.

В 1936—1937 годах я работал в школе города Раменское под Москвой. Викентий Викентьевич знал мой новый адрес. В январе 1937 года я получил телеграмму: «Немедленно явиться Пушкинский комитет при библиотеке Ленина. Версаев».

По рекомендации писателя, Пушкинский комитет приобрел мою рукопись для выставки, посвященной столетию со дня смерти великого поэта. Выставка была организована в Москве, в Историческом музее...

Прошло много лет.

В годы Великой Отечественной войны фашисты уничтожили почти весь мой архив. Все попытки разыскать оригинал рукописи отзывов коммунаров «Майского утра» о сочинениях А. С. Пушкина были тщетны.

И лишь недавно его нашли в Ленинграде, в Пушкинском доме (Институт русской литературы).

Сотрудники Пушкинского дома проявили исключительную заботу, тщательность и любовное внимание при розыске и реставрации моей рукописи. Годом раньше они также разыскали и другие мои полезные работы, переданные в ар-

жив Института редакцией журнала «Литературная учеба».
За все это я выражаю им сердечную благодарность...

О ПРОЗАИКАХ И ДРАМАТУРГАХ

И. Бабель. ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПАВЛИЧЕНКИ, МАТВЕЙ РОДИОНЫЧА⁸

(Читано 5 февраля 1928 года)

КОРЛЯКОВ С. Ф. Матвей Павличенко — это темной забитый человек, злой на господ, на своих угнетателей. Имел, видно, большую физическую силу, и потому пошел громить своих обидчиков — дворян. Выдумку его насчет «письма Ленина» нельзя опровергать. Мог Матвей эту штуку удрать. Очень свободная вещь. Он был глубоко уверен: раз революция, то Ленин разрешил бы ему все равно расправиться с бариним Никитинским. А если так, то всякую выдумку можно в ход пустить, лишь бы отомстить своему классовому врагу. Именно такое понятие и держал в своей голове Матвей, когда шел дуть барина. А в целости Павли-

⁸ Бабель И. Э. (1894 — 1940) — писатель и драматург. В 1940 году расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Реабилитирован в 1954 году.

ченко представлен так себе. Душа его из слов видна. Пошире надо было писателю кое-где сочинить. Но и при короткости его писания про щеку, например, все понятно. Горит у Матвея щека от Бариновой руки. Горит много лет. Хочется Матвею отплатить за это своему злодею. Ну, и достигает он своего. Это — хорошо. А в остальных местах рассказа много неясности, недоговоренности. Все какие-то перерывы речи идут. Настояще душевность Павличенки выражена, по моему, вот... когда это он с Настей кружился... Рассказ не обошелся и без брехни. Например, в нем говорится: «и тут я взял его за тело, за глотку, за волосы». Как это Павличенко сразу мог взять барина за три места? Что у него пять рук, что ли, было? Вранье! На-смех сказано. Только где тут можно смеху быть? Еще вот там слова есть: «шакалья совесть». Слова эти будто барин сказал Павличенке, когда тот его за душу сцопал. Нет, в это время барин таких слов не скажет. У него дрожало все от страху. Речь из горла не лезла, а колени все подламывались и трепыхались. Тут предсмертная минута, а он стал бы еще шапериться?

ТИТОВА Л. Г. Видать, что могутной был этот партизан. Я боялась партизан роговских. Пряталась от них. Как, бывалыча, увижу их, так вся и затрясусь, как лист. В сказу этом — ровно нету никакой брехоты. Все по совести обсказано. Быль оповещена. Так это и было. Многих партизан не миловали.

ЗОЛОТАРЕВ П. И. Кабы я был Павличенко, я не стал бы долго с бариним возжаться, а минтом придушил бы его еще

в погребке, — и хана. А то еще какие-то тары-бары-растабары Матюшка разводил с тем сукиным сыном!.. Не ядреный, и не маленький был Матвей Павличенко, а средний, но хитрый, умственный человек. Я бы мог обвинить Павличенко, если бы он оскорбил кого-нибудь на общем собрании граждан. А с барином он поступил, как и надо. Тогда была партизанская власть. Попался им гад какой-нибудь — ну, и крышка! «Ленинское писком присочинено к рассказу. Я думаю, не по хулиганству его «прочитал» Матюшка барину Никитинскому. Не, он делал это от полной своей мысли, что Ленин, — будь он около него, — разрешил бы ему хлопнуть барина. Надеюсь в этом Матюшка на Ленина, как на вождя... Рассказ написан, как топором вырублен! Никаких в нем не сделано неясностей. Во всем можно разобраться, ежели человек — не дурак и повидал свет в Гражданскую войну.

ЖЕЛЕЗНИКОВА Т. Ф. С моей руки — мало Матюшка топтал барина. Еще бы ему, подлецу, тальнику, — пуще бока намять! Черт какой, чужих баб дай ему хватать!

НОСОВА П. Д. А, должно, шибко осерчал Матюха на барина за «бабье место». Тот-то, видно, любил пощупать чужого мяска. Сатана!

ЕРМАКОВ Я. М. Написал этот сочинитель, как отпечатывал. Чуть не все разумно и действительно. И проведен весь рассказ по одной тропочке, без виляния по сторонам. И уж дюже этот писатель бережлив на слова! Нигде, кажись, не переговаривает... Я тоже согласен с тем, что Павличенко мог

выдумать «письмо» Ленина. Еще не такое выдумывали партизаны! Бывало всякое во время движения. Жалко, что в рассказе нет точного конца. Не хватило у автора ключа. И жалостливости для слушателя не хватило. Примирительной стороны. Все в злости описано. Нельзя так. Матвея целиком не могу я оправдать. Разве уж так много ему барин нагрезил? Ишь, по морде раз дал да бабу похапал за «прочие» места! Автор должен был сделать свое заключение. А то образовалось такое положение: зло на зло. Среднего вывода нет; примирительной в жизни человеческой нет. Люди от рассказа не научатся, как правильно и любовно жить. Требуется к рассказу добавление. А сам по себе он высокого составления.

ШИТИКОВА М. Т. Партизан поступил с Никитинским свыше вины барина. Жестоко поступил. И мне кажется, автор здесь соврал. Вряд ли Павличенко мог так истязать барина за то, что тот когда-то пять лет тому назад, дал Павличенке пощечину и хапал его жену. Мягкими на словах, а жестокими на деле могут быть, кажется, только религиозные люди. А Павличенко — не религиозный. Он «мягкий», но большой злодей... Про женину обиду нечего и говорить. Жена сама виновата. Она должна была в свое время доложить мужу, что барин с ней нахальничал. Не знаю — как на кого, а на меня Матюшка произвел противное, отталкивающее впечатление... Рассказ написан по-деревенски. Автор говорит, правда, шибко ясно и отрывисто, но не могу я не согласиться, что слова в рассказе все Матюшкины. Некоторых слов Матюш-

ке этому не выдумать. Писатель за него их выдумывал и под Матюшкину статью подвел.

ТИТОВ Л. Е. Безумно Матюшка на барина кидался. Ну-что, если барин кою-то пору «кое-где» пошарился у его жены? Чо ей сделалось? Хватило бы ее всем: и барину и Матвею. Разве этаких штук не бывало али теперь не бывает? Сколь хошь. Так и топтать людей за это? Зря это! Совсем ни к чему.

КОРЛЯКОВ И. Ф. У Матвея Павличенки очень мстительная душа. Писатель поставил его глупым и забитым, а он — не такой. И шел Матвей на барина не из политической классовой мести, а по своей личной злобе — за бабу. Политической сознательности в Матвее не видно. Трудно допустить, чтобы такой забитый замухрышка, как Павличенко, мог наступить на барина. Да еще один-на-один. Что такое Павличенко? Это был чуваш, татарин какой-то! Куда он гожд?! Он господ и теперь, поди, боится. Историческая трусость в нем перед господами должна быть. Груб, горд и храбр — он слишком скоро стал у автора... Пишет Бабель как-то все набросками, куцо. Фразы неполные. Все, как будто не вполне законченное. Без всяких объяснений, отрывистые и сухие. Напомнят они малость про то и се — и к барину перескакивают.

ТИТОВА Л. Г. (обращаясь к И. Ф. Корлякову). Что ты, Федотыч, Матюшка этот у-ух, какой гордый собой! Ты не гляди, что он собой — мямля. А что скоро сказ ведется и с перескочками — это правда. Партизаны шибко скоро ез-

дили. Им, видно, ехать-то было так, как от Шпагиной до реки Чесноковки. (Шпагина — деревня. Расположена в десяти километрах от нашей коммуны и в пяти километрах от реки Чесноковки. — А. Т.) Воротились — и нету их!

ТИТОВ И. В. Высказывается писатель по-русскому, по-народному. Но продолжение у него очень короткое. А доказательство всякому месту предметное.

БОЧАРОВА П. И. Вопча от скуки рассказик этот люди будут слушать. Павличенко такой же, как наш журавлишинский Яргин: читает книги, а сам неграмотный. Вид кажется людям, что знает много, задается...

ТИТОВ П. И. Матвей Павличенко мстил барину больше из личной пользы. Просто обозлился — и все. А «письмом» только хотел устроить барина перед смертью, чтобы помучить. Отряд, в котором был партизаном Павличенко, как метеор на нас свалился и исчез где-то. Ничего настоящего про него не сказано в сочинении. Зачем тогда и поминать его?

ШИТИКОВА М. Т. К давешнему моему слову я еще прибавить хочу. Говорят, что «письмо» Матвей Павличенко выдумал. А я уверена, что его выдумал сам автор. Если Павличенке нужно было контромить барина, то зачем ему ложное ленинское письмо? И без письма он его прикончил бы... Рассказ написан так, что со стороны на барина зло не берет. Когда в романе «Два мира» (В. Зазубрина. — А. Т.) старик-партизан Чубуков давит руками белого добровольца, изнасиловавшего его дочь, то ты не можешь спокойно при этом си-

деть: так бы и присоединился к нему! А после «Матвея Павличенки» жестокость барина исчезла из моих глаз. Осталось непонятное чувство: и барина не жалко, и партизана не уважаю. Удивляет меня и такое дело: Павличенко один из отряда поехал мстить барину. Поехал прямо в усадьбу, не знаючи, кто там сейчас и что делает? Не мог он не знаючи ехать туда. А ну-ка там оказался бы отряд белых? Что тогда стал бы делать Матвей Павличенко? Слышала я, что Бабель — знаменитый нынешний писатель. Если он — знаменитый, пусть пишет яснее.

БОЧАРОВ Ф. 3. Для меня очень много непонятного в этом рассказе. Партизанского движения нет. Какое это движение? Ехал Павличенко с отрядом; как и куда ехал — неизвестно. Остановился отряд. Павличенко один понесся к Никитинскому барину. Зол он на барина, как черт. Приехал. У барина сидит земельная комиссия. Она же белая. Конечно, уж стоит за барина. Значит красный Павличенко в доме — один, а беяков целая компания. И вдруг барин Никитинский сразу подчинился Павличенке. Формальная врака! Перепутка всего. Все свое писание этим автор испортил. Уже ни к селу, ни к городу. На што Матвею Павличенке лгать барину от имени Ленина, если он был настоящий партизан? Да он бы барина и без письма пришиб, коли б они один против другого сошлись. А то, вишь, какую басню писатель развел: белая земельная комиссия сидит, чай пьет, а Матвей Павличенко в этом же доме барина давит. Они бы его все-то так да-

ванули, что только бы сапожнешками застукал! Матвей Павличенко по-совести описан только во время его пастушества, а потом писатель соскользнул с верного пути. Понес чушь. Хорошему кузнецу ошибаться нельзя. Так же и всякому прочему мастеру. Ну, и с хорошего писателя должен быть спрос такой же. Ни рыба, ни мясо — вот что для меня этот рассказ. Научного — ни крохи в нем. Надень хоть трое очков, никакой партизанщины в сочинении не выкопаешь, а рассказ ведется про партизан. Что барин Никитинский свою барыню сделал «сумасшедшей» — этого отвергать не буду. Они хотели застрашать Матвея или разжалобить его на их сторону. Вообще рассказ этот — ровно с воздухом пал. Кто, что, как? — догадывайся тут сам читатель. С чего у помещика глаза обратились в шары, если Матвей говорил с ним тихо-мирно. Не разобрал я, к чему склонение имел рассказ. Партизаны мстили барам, давили их, только не так, как Павличенко. В рассказе указано, что он зашел к Никитинскому в хоромы неслышно, как кошка, и стал, снявши шапку-кубанку. Теленком стоял. Да разве партизаны так набегали на господ, которые их раньше мучили? Нет, не так! Вбегали энергично и — бух! бух! бух! Готово! Нет барина! Матвей — нюня. Он и сейчас, верно, боится господ. Я раз ехал в Косиху и посадил подвезти какого-то растрепанного мордвина из Пензенской губернии. Места у нас искал для переселения. Разговорились мы с ним дорогой. «Как, — говорю, — у вас там, в Расее, с землей-то?» — «Да плохо. Бедствуем. Боимся се-

бе просить барскую землю. А ну-ка барин опять вернется?» Видал как? До сих пор еще в середке у мужиков страх перед барином живет. И это — так. А тут какой-то автюха, Матвей Павличенко, один насмелился к барину идти и давить его в присутствии белой земельной комиссии? Пусть писатель этот расскажет кому-нибудь, а не нам!

КОРЛЯКОВА Н. В. Матюха — маленький, тихонький, смугленький мужичонко. И подвижности в нем много-много. Вертушка. Скачок. Чистый Остроухов наш, покойник! По речи слышать Павличенку. А эти тихони повсегда злей простых людей. Он молчит-молчит, да и тяпнет... Барина Никитинского нужно бы сразу, сволочь такую, придавить! Хам! Вздумал улещать мужних женщин. Хорошо сделал Матюшка, что вымесил ему бока. Чтение про Павличенку было всякое: и страшное и смешное. Больше смешного. Не успеешь об одном посмеяться, другое подваливает.

СТЕКАЧЕВ Т. В. Подойдет мысль, но не дадут ее сказать. Ермаков меня давеча перебивал. А потом — мысль сама уходит. Сейчас на уме меньше крутится... Хвалили Матвея. А я думаю, не за что его хвалить. Писатель нас бросал-бросал туда-сюда, туда-сюда — и нигде ничего до пути не договорил. Все писание в каком-то дыму оставлено. Старец являлся Матвею, как видение святому. Что это за старец? Откуда он? Да и не старец являлся, а какая-то тень. Не доказано про него ни слова дельного. Вот тебе старец с Матюхой. Потом уж Матюха с Настей. Куда-то подрали. Зачем и куда их шут

понес? Она дует, он за ней, как бешеные. В чтении этом нет связанности. Есть описания порядочные у прочих сочинителей. Все они к тебе сами в душу идут. А оттого это, что они от ума. В них все по порядку высказывается: скажем, человек идет, сорока сидит на березе, колокол гудёт и прочие там прикрасы... Рассказ про Павличенку, конечно, веселый, но что ты примешь в сердце от этой веселости? Хорош напиток, только хмелю в нем нету. «Письмо Ленина» в рассказе — лишнее. Матвей Павличенко и без письма верил, что он имеет право душить своего барина-угнетателя. Рассказ можно принять в деревню для когда нечего читать.

ТИТОВ Н. И. Я свое соображение на уме держу. Прочитанный рассказ есть самый действительный и простой. От простого ума он составлен, и ни единого слова в нем нет лукавого, — нет подводу всякому ясному слову. Были дела страшные и простые, и слова на рассказ взяты тоже простые. Не признаю врак. Здесь описана сбыть. Со-злу заявился Матвей этот к барину и думает. «Дай, я ему оглаблю письмо, будто от Ленина. Пушай потрусится от страсти». Такие мысля у Матвея были. Потому что он сам руководствовал имя. Хотел он барину отомстить. Ладно ли ему будет потом — об этом Матвей не думал. Простой человек обдумывал простые мысля, и писатель просто это и высказал... Ужастей в рассказе настоящих не обозначено. И смешного шибко не имеется. А мучить люди других людей охочи. Натурность в них, значит, такая. В переверот королевского прапорщика

Петра Иванович Штокينا так же работник иссек, как Матвей барина. За что? За то, что когда-то работник подчинился Петру Ивановичу... Кто знает, кого сейчас критиковать? Нето писателя, нето наших коммунаров? Бают: то не так, да это не по-нашему. А чего там уж неправильного? Произведено, как надо быть. Некоторые наши клики о рассказе, я считаю никудышные. Справедливо, что рассказу этому не быть на первом месте: недостатки в розмысле есть кое-где. Поглядеть по нем, так писатель (читай, Бабель. — А. Т.) млад еще супротив настоящих писателей.

СТЕКАЧЕВА П. Ф. Ну, и нахальник же этот партизан, который топтал барина! Не стоило бы ему этого творить. К чему над человеком зря строжиться и галиться? Как зачал Матвей топтать барина — так меня на Матвея зло взяло. А после раздумалась, вспомнила, как баринье над нашим братом чванились, так перестала жалеть барина. Насолили, видно, господа крестьянам. Ну, думаю, мни, Матвей! Остервился, видать, Матвей. Не враз покончил барина, а помучил его вдосталь, сколь душа хотела... Рассказ — так себе. Но крепких слов, навесистых, чтобы придавлиали, — нету. На овес похожи. От безделья можно послушать это чтение. Новостей тут мало. Про зло человеческое мы все и давно знаем.

ПУШКИНА А. Т. Когда читали рассказ, мне было интересно его слушать. А как кончили — в голове от него никакого сложенья нет. Читали, так в уме все ложилось рядом, рядом, рядом. Прочли — все смутилось.

НОСОВ М. А. Никак не могу придумать понятия для этого рассказа. Есть в нем ложь. Отступка писателя началась с того времени, как Матвей партизаном явился к барину в дом. Отцель пошла в чтении путаница. Как Матвей один посмел приехать к барину? Но можно подумать, что он был хорошо обору́женный. А барин, а комиссия — разве они не были обору́жены? Поди, они знали, в какое время они жили. Под боком была партизанщина. Теперь так подумаем. Белая аль красная комиссия была? Ответа писатель не дает. Допустим, она была белая. Конечно, уж она тогда работала при оружии. Пущай и Матвей был при оружии. Все-таки он один на трех не пошел бы. Комиссия барина защитила бы. Она поняла бы, к чему Матвей с бариним сурьезный разговор завел, чуть только вступя в горницу. Матвею бы тут досталось. А если комиссия земельная была красная, то она помогла бы Матвею ухлопать Никитинского на первых порах. Ни за что не соглашусь и на то, будто комиссия, жена баринова и прислуга — какая-нибудь да была она у барина — не услышали бы, как Матвей делал убийство в хоромах. Мысли хорошие хотел преподать людям писатель, но не добился он этого. Вместо рыбы дал нам рака... старец — темный человек. Досада на рассказ берет. Концов нет. Они куда-то пропали. Растаяли. Комиссия как провалилась куда-то. Ни одного члена не найдешь. Затем и зло берет на писателя, что набрехал шибко много. Насовал в рассказ несовместного. Автор рассказа похож на кузнеца в сказке, который хотел из листа

железа сковать сошник, а вышел пшик.

БОЧАРОВ Ф. З. Пришло, дескать, время, — и пастухи одолели буржуазию. И должны они ей жестоко отомстить от имени своего пролетарского вождя, Ленина. Должно быть, к такому смыслу рассказ свой хотел прислонить писатель. Хотел он им сказать что-то общее и большое, а свел все на Матвея Павличенку. Пушай его, этот рассказ, кто-нибудь переправит, разъяснит. Тогда его можно будет принять в деревню. А сейчас его сам Авраам не разберет.

СТЕКАЧЕВ И. А. У Чехова есть рассказ про чиновников, которые взбунтовались против своего начальника. Выбрали от себя депутата, который должен был пойти в кабинет к начальнику и сказать ему, что подчиненные им недовольны, не будут с ним служить. (Речь идет о рассказе А. П. Чехова «Депутат, или повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало». Рассказ этот был мной прочитан коммунарам еще в 1921 году. — А. Т.) Выбрали самого главного храбреца и говорка. Он здорово ерепенился, пока сидел в швейцарской. А как только пришел в кабинет к начальнику, то храбрость куда-то в сапоги ушла. Ничего он, бедняга, начальнику не сказал — испугался до смерти. Начальник спросил: «Зачем пришел?» Он замыкал, заперхал да и ляпнул: «Я слышал, вы разыгрываете карету?» И вместо ругани купил, болван, на двадцать пять рублей билетов лотерейных... Матвей Павличенко — такой же храбрец. Ничего он не сделал бы барину Никитинскому в его доме, если бы на самом деле по-

пал туда. Знаете, после какого места рассказ потерял силу? После коров. А после партизанщины весь рассказ на смарку пошел. Заседание земельной комиссии не могло происходить без военной охраны. Усадьба Никитинского была в пяти верстах от партизанщины. Заставил бы тут комиссию тогда заседать под партизанской угрозой! У Матвея Павличенки классовой злобы на барина не было. Он был только кровно обижен. Павличенко был у Никитинского пастухом. В науке ничего не понимал. Не сказано у писателя об его развитии. Про классовую борьбу с помещиками он не мог иметь точного понятия. Автор думал из Матюхи классового борца сделать. Такая думка есть у многих нынешних писателей. Но только из нее мало толку. У нас в Журавлихе был овечий пастух, Вася Кожуринкин. Так он и остался пастухом. Паня Дубок — тоже... Язычок у автора — острый. Может он им здорово молотить.

ТИТОВА А. И. Если не разбираться с рассказом, то он пробежит по голове и ничо в ней не оставит. Стань кто один из нас его читать, беспреренно мысль вся разойдется по сторонам. А чтобы польза от чтения была, надо в этом рассказе дюже внимательно всякую штуку по уму своему пускать... Матвей яро барина топтал. Хорошую мялку дал барину. Что ж! Это не облыжно сказано. Руганью не доймешь врага. Надо его ударить, чтобы больше ему причисленья сделать. Легче тогда бывает душе, когда злодея своего помучишь. Шибко мало в чтении было походов Матвея. Описать бы, где он

бывал, где был обижен, а где доволен, да как в партизаны попал, да как воевал на разных битвах. Ежедневно читал бы такую книгу. Писатель должен был подробно и дерзко прописать про Матвея. Тогда бы от его рассказу получилось у нас совсем другое впечатление. Сейчас это чтение — немножко недосоля. Слушаешь его — и будто ладно, и будто — нет. И не знаешь, ково тебе от него надо. Когда шибко голоден, так съешь и недосоленное. А налопаешься — рыться будешь.

БЛИНОВ Е. С. Писатель задумал обрисовать нам мстительность человеческую. Обрисовал. Но самый рассказ-то взял не из правдишнего факта, а выдумал из фантазии. Никакой Матвей не рассказывал про себя эту историю писателю Бабелю... Дьявол его знает, что за рассказ! Вчера читали его — ровно как были смешные и вострые слова, а сегодня я их — не единого не помню. И почти все сцены забыты мной. Десять лет назад я читал какой-то — сейчас забыл — рассказ Максима Горького. Два каких-то молодца соткнулись над амбаром. И разговорились. «Куда прешь?» — «А кто тут?» — «Человек с палкой». Может быть в беспорядке, а теперь еще лежат в памяти эти слова.

Вешь, например, овес. Летит пелева. Садится. Сыздаля смотреть — добрый материал, ахватишь горстью — там нет ничего. Это подобно рассказу про Матвея Павличенку... Само «письмо Ленина» — только поддобрение рассказа. Но в нем — главный смысл всего сочинения, окромя мстительности человека человеку. Эта мысль в рассказе тоже недурно

подобрана. Что же мне сказать напоследок? Нужно нашим писателям кончать свои рассказы круглее, чтобы концы сходились с началом и с середкой. Иначе наши литературные соловьи будут петь свои «бесконечные» песни и никогда не докончат их. Во всем этом рассказе, когда его читали, мне нравились только некоторые шуточные выражения. В праздник, во время отдыха можно почитать «Матвея Павличенко». Ради потехи. Для настоящего чтения он, конечно, не годится.

ОБЩЕЕ МНЕНИЕ. (Принято всеми против трех: Золотарева П. И., Титова И. В. и Титовой Л. Г.) Удивляемся большому уменью писателя Бабеля — в маленьких рассказиках наплести кучу неправды и неразберихи. Вследствие этого и «Жизнеописание Павличенки» не нужно деревне, несмотря на то, что оно рассказано доступной, игривой, замечательной речью простолюдина. Недостатки рассказа — куда значительнее его достоинств!

П р и м е ч а н и е. «Жизнеописание Павличенки» отчаянно натерло шею и коммунарам и мне. Так, например, приговор обсуждался на четырех вечерах. Все участники разбора рассказа тщательно проверили свои суждения. Вероятно, они старались вынести вполне продуманное решение о произведении столь прославленного художника. Весьма возможно, что на эту неторопливость с вынесением приговора оказало некоторое влияние и одно мое давнишнее (года два

назад) выступление перед коммунарами, в котором я касался характеристики творчества некоторых русских писателей революционной поры. И. Бабель был тогда очерчен мной как один из первоклассных мастеров художественного слова наших дней. Отсюда могла исходить и обида М. Т. Шитиковой. «Бабель — знаменитый нынешний писатель. Если он знаменитый, пусть пишет яснее».

«Спиртной остроты» в рассказе Бабеля коммунары не нашли. А может быть, ее там и нет? Может быть, ее выдумали «генерал-критики» для красного словца?.. Трагический, выигрышный для кисти крупного художника эпизод мести раба своему бывшему господину дан Бабелем не настолько «спиртно-остро», чтобы рассказ мог потрясти крестьянское нутро... Нет, читая «Жизнеописание Павличенки», я ежесекундно ощущал свою психическую оторванность от публики. Я осмеливаюсь отвести возможный здесь упрек мне за неискusstное чтение. Рассказы Бабеля из «Конармии» читаются необыкновенно легко. К тому же «Жизнеописание Павличенки» — коротенькая вещица, а разучивал я ее перед читкой очень усердно, чтобы осилить богатые модуляции усложненной косвенной речи. Впрочем, речь эта стройна, приятна и легко ложится на язык.

Рассказ холоден. Об этом и говорят крестьянские оценки его. Очень странно вел себя при разборе рассказа — «чужак», Я. М. Ермаков. (Участник зоотехнических курсов при нашей коммуне, которые проводились в феврале 1928 года.

Член коммуны «Пробуждение» в селе Косихе.) Дав вначале о «Жизнеописании Павличенки» положительный отзыв, он в конце концов «восстал» против этого рассказа за отсутствие в нем «примирительного в жизни человеческой», «ключа» и «жалостливости для слушателя».

Защитники Бабеля ударили вразнобой: Титова Л. Г. требовала отнесение рассказа к третьей очереди, Золотарев П. И. — ко второй, а Титов И. В. стал в безысходный тупик при определении степени нужности «Жизнеописания Павличенки» в деревне. Но по всем словам его видно было, что он не считал рассказ Бабеля образцовым произведением.

И. Бабель. СОЛЬ

(Читано 17 февраля 1928 года)

СТЕКАЧЕВ И. А. Сбрехал он тут порядочно: из поезда бабу ружьем не убьешь. С земли убьешь. С поезда на ходу не убить: он дрожит весь, шатается все время. Когда чаю, бывало, кружку нальешь, — она вот так болтается, все выплещется.

ЗУБКОВА А. З. Хлопня простая: не убить. Кабы Балмашев бил сейчас же, как баба соскочила... А то, хочь как иди поезд, — не убить. А товарный во все стороны бултыхается, как ворогуша его тянет, на все стороны. Кабы в темижки стрелять, как баба соскочила, можно бы убить. А то она

кое-то еще дорогой бегла. Я поверила бы, если бы сразу, а то солдаты торговались еще сколь меж собой.

КОРЛЯКОВА Н. В. Все это вранье, сильное вранье. Какой-то несчастный пуд соли везла баба. Может быть, для себя. А солдаты с девушками сгальничали. Может быть, девки себе дорогу прочищали.

ЗУБКОВА А. З. На залезной дороге всячина тогда творилась!

КОРЛЯКОВА Н. В. (продолжает). Не хотел солдат дать бабе нажиться и чтобы она не спекулянничала. Там, в вагоне-то много терзавства было девушкам от солдат, а баба спасалась, спокойно сидела за солью. Бармашев грезил с другими девками.

ЗУБКОВА А. З. (Второй раз перебивает Корлякову). Запустил он бабу-то в вагон затем, что дите пожалел. Чувства у него были хорошие. Потом разгляделся — обман. Его зло и взяло. Что такое? Глядит: ребенок — ни крику, ни гому! Спит солдат, а «кур бачит». Глаза защурил, а сам на нее смотрит. Над ней он с подзором был. Потом и шабаркнул!

БОЧАРОВА П. И. Тут война, а она спекулирует, да еще с обманом с таким. Приравнял он ее к белякам. Поддержнул ее заодно. Уж вон как обсказано все ясно!.. Как же не ясно? И народно обсказано. Сколь хошь так бабы с солдатами ездили. Дернуло меня за сердце, когда солдат ребенка развернул у бабы. Думала: по пути. Ее пустили в вагон, как честного человека, а она по-свински сделала. Надо такую книжку слу-

шать, чтобы знать, как эдаких сбрасывать. Балашов, вишь, как ее принял! Восстал за нее перед солдатами. А она?

ТИТОВА Л. Е. Вот я так думаю. Женщина тоже ись хочет. Ись нечего было. Смутное время было, и не знали люди, куда деваться, где найти себе место. Каждый искал пользу свою. И баба кусок хлеба себе спроваривала. А солдат, видно, остервился на нее и убил. Наверное, здоровая баба была, коли пуд тащила.

БОЧАРОВА П. И. Ишь, хвостище-то у нее какой долгий был! Мотнула хвостом — юбок на ней много было. Лопушистая была.

ТИТОВА Л. Е. Как курица-парунья над яйцами, так и она над солью сидела.

КОРЛЯКОВА Н. В. Солдат наворачивал слова по-курски. Зряшной был человечешко! Тряплушка! Балмашев-то этот — Демочка рассекай, у нас ходил по деревне. Бестолковый! Не дурак, а «родом так».

БОЧАРОВА П. Ф. Баба себя охраняла «ребенком» этим. Опасала себя от солдат. А из вагона солдат мог убить ее. Осерчал: может, она с ним «не согласилась». У него мысли были на это...

ЗУБКОВА А.З. Как ястреб над мясом сидел он над нею. Ждал. Все долбануть хотел.

БОЧАРОВА П. Ф. Накипело у него. В-горячах убил. Не обсуждал... Не шибко нравится мне этот рассказ. Не знаю, как сказать, а не нравится. Неохота слушать балясы эти. С

обоих сторон можно не жалеть: солдата и бабу. Подманула, должно, она его. Кто знает, как тут? На догад написано. На обе стороны можно повернуть дело. Думаю, у солдата на уме было не так, как написано. Этот рассказ никак не прировняешь: хоть, думаешь, солдат погубит бабу, хоть спасет, — нет горя. Все едино.

ТИТОВА Л. Е. Рассказ нето кислый, нето пресный.

БОЧАРОВА П. Ф. Кислое и пресное можно понять, а рассказ не похож ни на то, ни на другое.

ЕРМАКОВ Я. М. Не кислый, не пресный, а на тульский взвод похож.

КОРЛЯКОВА Н. В. Немного рассказывает писатель. Больше — летит, как стрела. Не можно уловить. Все в одно место, в одну кучу кладет.

ТИТОВА Л. Е. Песенку складывает писатель, сам себя утешает. Мечтает: хорошо я сочинение сочинил!

БОЧАРОВА П. Ф. Это и у нас иной раз бывает. Сочинишь что-нибудь и радуешься.

ШИТИКОВА М. Т. Я далеко умом не раскидываю. Рассказ правдоподобный. Высоко возвысил писатель солдата. Уважаю Балмашева. Бабель шибко коротко пишет. Чтобы тогдашнюю кашу спекуляции и разрухи описать, надо бы целый том писать. А он взял факт один. А если на каждый такой пустяшный факт писать рассказ, то тысячи таких рассказов можно сочинить... Картины природы солдатам редко вспоминаются. Не так, как у автора. Его рассказ — надо.

Чувствуешь ненависть к женщине-гадине. Подлые ее чувства и высказываются в рассказе. Кому-нибудь из дурных людей рассказ откроет совесть... Подорвала баба солдатovo доверие. Солдаты — грубые — и то разблажились к этой матери. Балмашев сам себя обманул и солдат обманул... Первый раз я до конца прочла бы этот рассказ, а во второй раз — не знаю. Из-за «сладости» сама не буду читать.

САШИН Ф. М. Верно. Испытали мы все это. Баба обманула, черт ее бей! Я, конечно, ее виню первым делом. Но Балмашев для своей цели впустил ее в вагон. И сон от него отбежал. Думал: ребенок уснет, я и тово... шпокну. Ждал. Провозился всю ночь. Вышло по пословице: «Всю я ночку провозился, а наутро бабой стал». Весь сон свой угнал. До утра ждал. Потом он ничего не ждал. Полез к ней за своим интересом и ущупал ребенка. После: «Э, сволочь!» Все тут к одному сошлось: и спекуляция, и охота, и досада. «А, сука, ездись!» Разнервничался. А что застрелил ее — неправда. Поля, звезда зеленая — это правильно описано. По себе знаю: на войне вспоминаешь родину. Как бывало, вспоминаешь, так сердце заволнуется, закипит. Это — верно!

СТЕКАЧЕВ Т. В. С краю не точно. Я с кубанцами жил, знаю их. Они так не говорят. Нету ни одного кубанского слова. Они бы сразу: «Ну-ка, хлопцы, пустим бабу ай нет?» Ехали в вагоне казаки, а по-казачьи ничего разговору нету. Врет. Природу хоть и хорошо описал, но казаки не то про нее думали. Они думают тогда не про звезды, а «как твоя женка?»

А то разводят небылицу! Ночь-то она так и есть — шатром раскинулась, но только казаки не так думали о ней. Писано ясно. А ничего не берет он меня. Слабое чувство. Хоть бы слушал, хоть бы нет. Как в холодную баню придешь — раздражнишь тело и, не напарившись, уйдешь. По мне — рассказ не нужен в деревне. Нет чувств и охотности. Это автор просто припустил героизму солдату, чтобы в редакции рассказ приняли. Только раз автор хорошо сказал по-казацки: «после нас не захочет мужа». Балмашев убедил солдат «жеребятину» не делать над бабой. Это хорошее слово! Солдаты бабу вроде как убили, а Балмашев ее опять поднял. Потом он себя как бичом ударил: «Вон девушки». Их гальничали. Завинил он потом женщину, а не завинил своих казаков, которые девушек «пользовали»... По-народному рассказано, но слабо. Неправильно застреляна баба. Если бы так стреляли, как Балмашев, то весь путь осеяли бы тогда трупами.

ЕРМАКОВ Я. М. Мне этот рассказ внутри врезался. Как в зеркале все видать. Две подлые стороны описаны. Языка казацкого, действительно, не хватает. Но, может быть, автор считался и с тем, что книгу будут читать и в Сибири. Не поймут, дескать, ежели напихать солдатских слов. Фамилия Балмашеву автором присвоена такая нарочно. Умысел был к Балмашеву посадить бабу. Подлец он! Мужиков выбрасывали из вагона, а баб сажали. Не из жалости, а из корыстной цели. Говорят, Балмашев убил бабу из гордости. Нет. Тут два совпадения: за обман и за ревность к ней. А может быть, жен-

щина была честная? Хотела спасти себя «ребенком» от позора солдатского. Разве от них просто отвяжешься? «Давай!» — «Выброшу!» И выбрасывали. Над Балмашевым смеялись товарищи: «Он — не меток!» Кубанские поля, зеленая звезда придуманы не к солдатам, а к Балмашеву, когда он думал над бабой. Горела в нем страсть. «Эх, кабы она без ребенка!» Авация здесь у него горячая была. Это естественно высказано автором. Великолепный рассказ! Я понимаю: здесь научно рассказано, что нельзя допускать подлые вещи, какие творили в вагоне с женщинами солдаты и Балмашев. Балмашев — самоотчаянный человек! Как дурной ветер: то повеет легонько, то рванет вихрем. Рванул женщину — и вырвал у нее душу. Человеку так не полагается. Осуждаю его. Подлец он — и больше ничего. Рассказ берет меня в другую сторону. Изложено все правильно, но сам поступок Балмашеву — подлый. В истории не говорится, что женщина постоянно спекулировала. Может быть, она соль везла для своих детишек? Сочувствую автору, но не Балмашеву... На нервы этот рассказ не действует, потому что здесь слеплены вместе две подлости: со стороны женщины и со стороны Балмашева. Балмашеву надо было высадить женщину — и только. Автор не заикается о ней. Может быть, у нее четверо детей. Она никак не могла иначе поступить. (Ко мне. — А. Т.) Ты знаешь, что бывало? Едем как-то в вагоне третьего класса. Кубанские казаки с нами. Один вытащил свою «пожарную трубу» и давай поливать на обе стороны! Вот какие они — кубанцы-то!

И Балмашев, возможно, такой же. Если автор оправдывает подлости Балмашева, то грех ему. Автор не дал полной характеристики этой женщины, полнейшего представления о ней: распутная она была или семейная? И не знаешь: корить ее или жалеть? Приходится ее жалеть, потому что над ней совершили Шемякин суд. Не опросили ее географию жизни. Если бы она специально спекулировала товаром и собой — дело иное. А то она прикрывалась солью от любовных поступков и прихоти солдат.

БОЧАРОВ А. И. У Балмашева было еще одно замечание: генералов-контрреволюционеров на коне видать, а баб нет. Блохи они!.. Нельзя ему выйти из положения, он и ищет себе оправдания. Убил-то он ее! Сбухту-барахту впустили ее в вагон. Не с желания они ее пустили. Она вроде как богородицей такой прилистилась к ним. Чтобы покололо на минуту от рассказа — этого нет. Совсем плохо. Словами он ясный, но не захватывает. Как с овцы шерсть стригут — она не чувствует, так и я от рассказа. Не тормозит. Бывают рассказы вроде как и веселые сначала, вроде как заманивают. А потом — как ткнет тебя, аж на стуле затрясешься! «Соль» просто так, от безделюшек только почитать. Если шибко в нее вдуматься, то можно кой до чего додуматься. Но прежде чем вдумываться, надо, чтобы тело твое она раскачала. А она — нет. Мысль в ней — добрая, но не может она раскачать. Мужуку она совсем ни к чему. На телосложение никакого влияния не имеет. Чтобы мужика заставить подумать о ней,

нужно ему телесное сотрясение сделать. Когда «Два мира» читали, я раз пришел домой, лег на кровать, а в голове мозга так и кружатся винтом, так и хо-о-одят, хо-о-одят!

КОРЛЯКОВ С. Ф. Суховат рассказ, однотонен. Нет никаких шевелящих и оживляющих ответвлений от основных слов. Рубит по-военному. Возьмите «Лес шумит» — Короленко. В тридцати словах можно бы там все дело сказать, а он раздул замечательно! И жизнь старика, и крепостное право, и суеверия, и задушевность природы — все вложено там! Спешный шибко этот рассказ. Неужели конницу Буденного так изображали? «После нас, — говорит, — ты мужа не захочешь!»! Существенного вреда баба не сделала. За что ее стрелять?

КОНДРАШЕНКО М. Т. Благодаря Балмашевым и Балмашевщине и партизанщина-то долго была. Если стоило бабу «смыть», то на это был суд. Я бы этого Балмашева просто за чупрын оттаскал, как встарину школьников таскали за шалости... Язык автора — самый обыкновенный. Рассказ в деревне нужен, чтобы показать дикость Балмашевых. Но для мужика он будет непонятен. Его можно растолковать как угодно.

КОРЛЯКОВ С. В. Если мужик его не растолкует, значит это плохо. Полной разьяснительности и детальности нет, чтобы мужик понял рассказ.

БОЧАРОВ А. И. Поджечь мужика снизу надо.

КОНДРАШЕНКО М. Т. Душу в рассказ вложить надо. Ес-

ли писатель хочет доказать правоту Балмашева, то надо разъяснить рассказ.

КОРЛЯКОВ С. В. Разъяснить женщину. Нужно бы ее сфантазировать, чтобы читатель смотрел на нее или с сожалением или с омерзением. А то не знаешь, как к ней относиться.

ЕРМАКОВ Я. М. Этот же писатель этот же рассказ мог бы написать так, что разлюбовался бы. Ишь, «Лес-то шумит»! Из-под себя забирает рассказ. Ведет-ведет-ведет, закрючивает тебя! Убили там одного барина — и не жалко. А тут сварил писатель кашу и не подмазал ее. Рассказ «Соль», а самой-то соли в нем и не хватило.

ТИТОВ Н. И. Я так же думал, это же мнение держал. Все уже рассказали. По-моему, зря в рассказе про евреев подвернуто. Не скажет баба про Ленина и Троцкого «жиды». Брехня! Удержится — не скажет! Самостоятельно не верится этому. Про чувства скажу: чего-то не хватает. Потому что ясного ничего нет. Для меня рассказ не нужен, а про людей не знаю. Разъяснения в нем нет. Стоит заплесневелый гриб, никому он не нужен. Так и «Соль» эта. За такую подобную штуку, что сделал Балмашев, все бы солдаты могли пострадать. Видал я такой случай, когда из Семипалатинска ехал.

ЕРМАКОВ Я. М. Когда Балмашев ночью посягал на женщину мыслью, то кубанцев писатель представил, и вихорь в голове Балмашева представил, а вот характеристику женщины не мог описать. Действительно, она недостойна расстре-

ла. Оттого и получилось, что в рассказе ни каши, ни семя! Если такую пьесу играть, то не будешь знать, как быть. Не узнаешь, кого судить, кого миловать. «Золотое сердце» (драма С. Ляликова. — А. Т.) я раз прочел — и уже понял, в чем там вся секрeция. Там есть начало и конец. До «пеленок» «Соль» шел, как добрый рассказ шел, обыкновенно. А после этого брякнулся, как черт с печки. Взял камень, бросил в речку, булькнуло — и квит. Только душа у меня разгорелась слушать, а там уж конец. Чтобы автору про женщину полноту-то дать! Рассказ сам по себе хорош, но сути дела в нем не хватает.

БОЧАРОВ А. И. Кабы женщину он описал, тогда бы и волосы у нас пошли бы в гору. А то рассказ черепа нам не открыл.

НОСОВ М. А. Конечно, правды нету. Балмашев преувеличен. Не ради идей он расстрелял женщину, а из своих прихотей. У кубанских казаков идей не было... Ночь целую проглазел Балмашев на бабу. Что дальше? Убить?.. Никаких благородных мыслей у Балмашева не было. Писатель иначе об этом думает? Будто баба обманула Балмашева. Посчитал его за идейного человека, он, мол, стоит за Советскую власть... Зря! Кубанцы так не говорят. Они по-хохлацки говорят. Размету в рассказе не было. А что ночь, природу он там описал — это все чепуха, приврано. Солдатам тогда об этом думать некогда было. Они ехали и только за тем и смотрели, чтобы насытить похоть свою. А то рассказывает басни:

природу они у него глядели, ночь там шатром раскинулась... нужно это им! Писатель выхваляет солдат, а я — нет. Поверит ему в деревне тот, кто ничего на свете не видал. Таких пониманий, как мое, будет больше. Разных подобных кубанских казаков мы повидали! Наречие у них должно быть хохлацкое, а писатель перекрасил его на русское. Ни черта не осталось у меня от рассказа. Полез через речку, перелез — и стоп. Перебрел — и больше ничего. Чувственного нисколько нет, потому что все наврано... поезд шел не тихо. А ежели не тихо, то бабу надо было сбрасывать — и под колесо ее. Ветром бы ее затянуло. А то бросил из вагона. Она поднялась, и потом уж Балмашев ее застрелил. Хорошего у него только то, что написано ясно, а что неправда, то неправда.

СТЕКАЧЕВ И. А. Некоторые понимают рассказ на манер случая такого. Жил у нас в деревне бобыль Филя Еремин. Случайно зимой к нему в хату попала одна женщина. Залезла на печь спать. А печь узкая — двум не поместиться. Филя лег спать на полу. И захотелось ему пригнать бабу с печи к себе. Натопил он железную печку жарко. Удумал воспользоваться бабой. А сам потом на полу и уснул. Проснулся утром, огонь горит, мать топит печку. Видит, женщина лежит с ним рядом. Потом вскочил, осердился: пропало все его! Размахнулся — хлоп кулаком по лампе! Суматоха поднялась. Похоже на Балмашева... Разобрался он, — в мешочке соль, а не ребенок. Досадно стало ему. А я все-таки думаю: будь баба спекулянтка, она бы десять пудов соли привезла, и никто бы

ей ничего не сказал. Облизала бы она всех. Эта женщина для защиты от кубанцев соль сделала «ребенком»... Если мужик поверхностно прослушает рассказ, то поверит писателю, а если он знал кубанцев, то не поверит... Фраза хоть и гладко идет, а мимо тебя как-то проскальзывает, не внедряется. Можно не читать рассказа. Я не считаю женщину глупой. Если Балмашев — порядочный герой с глубоким революционным чувством, то со спекулянткой он не свяжется. Сперва у Балмашева была благородная душа, а потом — никудышная. Она могла быть в политике ничем. Во всем рассказе, в словах видна ясность, но она проходит мимо. Недостатки во всех частях. Балмашев — какой-то франтик, любит кругленькие слова говорить. Болтушка. Автор же примазал к нему большую революционную идею. Настоящий революционер должен говорить веские слова. Вот Швандя (из «Любови Яровой» К. Тренева. — А. Т.) говорит по-своему, не округленно, а Балмашев все круглит. Если бы Балмашев был идейный, то не допустил бы в вагоне безобразий. В 1917 году у нас на фронте, в окопах был один тип. Депутат он был в совете от нашей роты. При нем мы, бывало, не только безобразия творить, а в карты не играли. Вот каким должен быть Балмашев, если он идейный.

ЕРМАКОВ Я. М. Балмашев — хвалюшня. Письмо написал в редакцию — вот, мол, я какой, а то забыл, что своим солдатам девушек дал на озорство. Шантан в вагоне устроил. Революционер!

НОСОВА М. М. Баба — честная была. Верно она сделала.

ЕРМАКОВ Я. М. — На взгляд только рассказ хорош, а разжуешь — он кислый. Читать его будто бы и охота, а вышла из него несоленая соль. Не сосредоточена «соль» в одну линию. Поэтому рассказ нельзя пускать в деревню в этом виде. Деревне нужно преподавать тот же соус, только в другом вкусе.

ШИТИКОВ Д. С. Разбираюсь с делом. Надо вперед пробовать писателя. Главное дело — хорошо знаю тех, про кого он пишет. Хохлы говорят по-хохлацки, казаки — по-казацки. Скажу и про авторovu фертикультяпность. По Кубани — никто ничего не знает. Худо там. Школ почти не было. У них там лишь одно: «здорово ночевали» да «здорово дневали». Больше ничего они не знают... По «вагонному делу» я много могу сказать. Про Бабеля: раз из двухэтажного дома берешься писать про мужиков, то должен ты знать мужицкую психологию, чтобы мужики верно были выражены. Тот, кто нигде не был, поверит легендам Бабеля, а кто был с казаками, — не поверит. Я бывал с казаками. Знаю всех ихних президиумов. Они только Сашкой могут орудовать... Балмашев поставлен неправильно. Я бы автору доказал, что у нас такая баба была. Специально с Украины в Курскую губернию хлеб возила. И солдаты даже помогали ей. Бывало и так. Старшой по вагону, который титей-митей занимается, прохаживается на станции около вагона. Являет себя чинарькём. Чувствуют мешочницы, что он старшой. В щечках у них румянец

играет. Оскаляются. Он их тоже знает — и дает им всегда душевное настроение. Он может ей пальчиком подкивнуть, а она может ему перекосяться в знак согласия. Она подходит к нему, спрашивает. Хоть он и франт, а тоже деревенский. «Что везешь?» — «Куда едешь?» Приглашает, едут. Желает «на удочку?» Цепляйся. Не будешь ночью не спать: скоро она тебя «убаюкает»... Повернусь теперь к бабелевской женщине — судить ее. Вообще, сколько я их по дорогам видал, ни одна женщина от души не говорит. Лишь бы только сесть в вагон. А когда в вагон сядет, то равноправная. «Не кури!» «Подавил табаком!» Кричит. Хозяйствует. Каждый баран за свою ногу виснет, и я по-своему буду долго говорить о рассказе. Шестьсот верст прошел я по Дону. Только в станциях школы, а хутора были без школ. Там живут староверы, дикари дикарями. Табаку не было — перец курили. Это знает Бабель? Сложное дело — про деревню писать... Баба просто обманывала Балмашева. Потому что баба, пока борщ сварит, семь раз мужа обманет, а не кся, не моля убить бабу нельзя было. Писатель и сообразил: дай-ка подставлю ей контрреволюцию, будто она плохо выразилась про Ленина и Троцкого. Обличить эту внутреннюю «блоху» захотел. Да деревенские бабы все «блохи». Мужики сами знают, что баба — точило. Что же их всех, что ли, бить? Про гимназиста и барышню я не знаю, а про деревенскую девку и парня — знаю. Сидит Бабель на втором этаже и выдумывает звезды, природу. Звезда, как кошкины глаза при огне, — зеленая.

Очень хорошо написал Бабель брехню. В дальнейшей истории жизни люди будут про солдат читать у Бабеля. Прочтут и скажут: «Брехню написал». Совсем опровергать ее нельзя, но мужицкую психологию он не знает, темпу мужицкого не знает. Казак никакого материнства не признает. Он — балда такая, что — во!!! Он рубить только может. Куда, бывало, командир, туда и казаки. Разве теперь, при советской власти, изменилось? Это может быть. Обстрогались... Нужно писателям — правду писать. Раз пишешь для всего СССР, то пиши на все языки. Описываешь курских — говори по-курски, описываешь казаков — говори по-казацки. Казаки говорят: спя, лежа, стоя, а не спят, лежат, стоят. Ожидаешь в рассказе лучшего, а там нет его.

БОЧАРОВ А. И. Вихорь пронесся и затух.

ШИТИКОВ Д. С. Мужик — засоренный чернозем, а соки у него плодородные. А Бабель и подумал про «засоренный чернозем»: «Не разберет. Все хорошо пойдет». Природные свойства Бабель знает. Пишет хорошо. Но он чепуху напорол. Типа кубанца нет. У кубанцев великой мысли не должно быть. Балмашева не поймешь, но автор на хотел балмошку дать. Чорт знает, каким он его сознательным хотел сделать! Только правильного и сказано про кубанцев, что девок любят донимать. А писатель норовил сказать: за идею Балмашев убил бабу. И не Балмашев говорит, что за идею он убил бабу, а писатель так составил. Но он ошибся. Пуд соли разрешалось тогда провозить с собой и без билета. Какие там

билеты! Тут никак про Балмашева и не думается. И фамилия Балмашева не туда. Я согласен сказать: многие не поймут рассказ, а кто поймет, тому он ни к чему. Мне объяснения писателевы (они сказаны Балмашевым) ни к чему. Я сам должен догадаться. Вот это писатель, когда он не разъясняется, а понимается. В «Соли» иногда и смеешься, но так себе. Над тем только, что чепуха. Чорт знает над чем. Должно, над тем, кто писал. Может быть, писатель хотел дать смуть в голове Балмашева, а дал свою смуть. Смутился сам. В рассказе ни научного, ни воспитательного. Никуда никакое слово не нужно, никто его не будет помнить.

СТЕКАЧЕВ И. А. Не вырезал автор Балмашева, а надо было вырезать.

БОЧАРОВ А. И. Рассказ — пустая бутылка.

БЛИНОВ Е. С. Хороши такие рассказы, которые на дальнейшее чтение суют тебя. А это чо? (Ко мне. — А. Т.) Кончил ты, и нам его будто и не нужно. Недавно читали «Без языка» Короленко. Там сказано про безработицу в Америке, а сегодня я в «Бедноте» встретил статью о том же. И тут я нахожу подтверждение слов Короленко. И вспомнился мне Короленко. Его рассказ связан с делом. А «Соль» ни с чем не связана.

ТУБОЛЬЦЕВ И. И. Автор Балмашева полоумным, чо-ли, хотел изобразить? Убийство, девок мучили, а ты без чувства глазами хлупаешь. Как будто писатель шел мимо какого-нибудь места, глянул раз, и пошел дальше. Надо было этот рассказ как-то иначе поставить. Да и убийство-то вроде

подделки. Не задолжилось бы у Балмашева убийство, если бы он был настоящий революционер. Мы прочитали про вагонных девок, и нам не жалко их. Начал Балмашев тряпки у бабы разбрасывать — не жалко. Тут бы надо половча написать.

БЛИНОВ Е. С. Говорят о жалости Балмашева к девкам. Этим хотят указать на благородство, которое он проявил к девкам. А почему он еще накануне не пожалел девок? А то, вишь, когда пожалел! Когда сам на «бобах» проехал. Никакого в этом революционного благородства не получилось. Для этой идеи автор дал неправильного типа. Балмашев — шелапутный. Ни к чему «балахриста» Балмашева автор смешал с большой идеей. У нас на службе были кубанцы. Ни за что их нельзя было похвалить. Не у места со своей идеей сунулся автор.

***ОБЩЕЕ МНЕНИЕ.** В настоящем виде рассказ деревню не удовлетворит: в нем много неясного. Когда же к нему будут прибавлены «разъяснения», он для наших крестьян годится в первую очередь.*

П р и м е ч а н и е. Мы прочли всю «Конармию». В ней немало хороших по замыслу рассказов, но в нашей аудитории более или менее основательно проработаны только два из них: «Жизнеописание Павличенки» и «Соль». Мой выбор пал на них не случайно. Эти рассказы, мне кажется, больше

других из всего сборника подходят для деревни. Они серьезные по темам и занимательны по изложению. Оба рассказа именно вследствие указанных их качеств, я читал коммунарам в разное время по три раза. И, казалось, публика принимала их охотно. Я после этого и надумал подвергнуть их подробной критике. Оказалось, рассказы оставили у публики двойственное, досадное впечатление. Идейное содержание и язык — нравились коммунарам, а режущее ухо неправдоподобие сюжетов встречалось слушателями «в штыки». Оното, по мнению крестьян, и нанесло смертельный удар многим достоинствам рассказов Бабея... Разлад между идейным замыслом и отличным языком, с одной стороны, и назойливым невероятием сюжета — с другой, достиг своего предела в «Соли». Отсюда понятно, что мнения коммунаров об этом произведении звучат несогласно, а иногда и прямо противоречиво (Ермаков Я. М.) Нет, значит, ничего неожиданного и в «приговоре» коммунаров, отмечающем «Соль» в ее нынешнем виде и обещающем ей первую очередь при условии устранения замеченных пороков, искажающих теперь не только жизненную, но и художественную правду.

В. Зазубрин. ДВА МИРА⁹

(Читано с 22 ноября по 5 декабря 1927 г.)

КРЮКОВ М. Ф. Черт знает, что за книга!!! В иные моменты я просто не в себе находился!.. Офицер у костра собственноручно убивает своих детей! Да это что же такое?! Не стрелял; это бы еще ничего, если бы застрелил, а то прямо рукояткой расхлестал головки. О-е-е-е-ей!

До невозможности меня перевернула и сцена разговора Чубукова с беляком Жестиковым, который изнасиловал 14-летнюю Машу Летягину. Сукины дети, что вытворяли!!! Как только Чубуков стерпел и сразу же не пристукнул эту мразь — Жестикова!.. «Два мира» можно назвать «страшной книгой». Кровь, трупы, вши, ужасы! Только в «Ташкенте» («Ташкент — город хлебный» А. Неверова. — А. Т.) такие сцены встречаются... Эх, какой смельчак и молодец поп Воскресенский. Жарков хоть необразованный был мужик, а крестьянскую мысль понимал. Политик был. Заставил Воскресенского служить перед народом церковную службу, чтобы толпу на свою сторону совратить. Весело у них тут получилось! Жаркову лишь бы народ залучить. И религию и революцию — все смешали. Разумно это схвачено писателем.

⁹ Зазубрин (Зубцов) В. Я. (1895 — 1937) — писатель и общественный деятель. Автор первого советского романа «Два мира». Репрессирован в 1937 г., реабилитирован посмертно в 1957 г.

Прямо говорю: если в какой деревне «Два мира» не будут читать, то для нее нету книг на белом свете. Это — большая история. Через века-века она будет иметь свою цену. Но мало обрисован в ней Колчак. Его надо бы подольше описывать. Я до самого конца книги надеялся, что Колчак будет выведен полняком. А всякому хотелось в «Двух мирах» видеть Колчака и его гибель. Крестьянину это надо. Пусть писатель добавку сделает про Колчака. Ты погляди: в деревне по сию пору не знают, как погиб этот зверь. Знают, что расстреляли его, а как и где — неизвестно.

Рагимов — правильный тип. Ему все равно — «нашим и вашим». Чистый, вылитый вояка. Барановский не воин, а умный человек. Лучше всех своих товарищей он понял красную идею... По человеческому чувству мне чувствительны страдания и белых и красных, но идея белых заблудящая. И жалеть их нельзя. И революционный человек будет жалеть несчастных белых, но по обязанности революционера будет и крушить их. Смерть корнета Завистовского всех проберет. Человек кричит: «Мама! Мама! Мамочка!» Даже партизанам его жалко стало. Расстреляли, а жалко. И автор верно это подчеркнул. Сам писатель — везде это видно — жалеет мучеников. Без жалости он не написал так бы хорошо. Все эти смерти, эти ужасы колотятся в моем сердце. Даже в такое заблуждение вгоняют, что ничего порой не понимаешь, не чувствуешь постороннего. Работу забываешь. Когда я приходил после читки «Двух миров» домой, то подолгу не мог за-

быться или заснуть. Не могу заснуть, хоть что хочешь делай! Всю ночь из головы не лезут сцены. Особенно: «хрустнула еще одна корочка». Головку ребенку проломил офицер. Ведь это!.. Это!.. Кажись, прочти это зверю — и тот заплачет. Самый грубый и злой человек, я думаю, от таких сцен размягнется.

В книге нет слабых и средних мест. Все сильное. Вот это написал, так написал!!! Как гром гремит по всей книге. А этот идол — Мотовилов! Ну и намалевал! Не придумаешь, не придашь ему человечества, а идейный он человек. За твердость его уважать можно. Если бы у белых все были Мотовиловы, то пришлось бы с ними долго воевать... Ох и книга! Нарасхват она пойдет в деревне по рукам. Вот такие книги нужно читать по деревням.

ТИТОВ П. И. Книгу «Два мира» я прослушал с жадной жаждой. Как будто я прошел сто верст, устал и захотел пить, а потом встретил целое озеро воды и выпил его все. «Два мира» пронзили мой мозг и оставили в нем целые тысячи картин. Сплю и вижу, как отступают крестьяне в тайгу, спасаются от белых. Бегут со своими лохмотьями, ползут, как букашки, во все стороны, а над их головами летели чугунные ядра. Не знали они, где им придется погибнуть на журавле, где чугунное воронье вырвет у них живое мясо, где повытащит мозг. Так же ярка и картина таянья белой армии... Мотовилов на протяжении тысячи верст громил все и всех, что попадало ему на пути. Не признавал он даже и своих, как бешенная

собака не признает своего хозяина.

Разговор у писателя, что клей. Чтобы он не сказал, как приклеит! «Два мира» отвратит нашего крестьянина от буржуазного строя. Он увидит насилия над женщинами и несовершеннолетними девушками. Ему будет бросаться в глаза, что колчаковщина была прессом, который выжимал из крестьян кровь... А тайга — мать! Со всех сторон ползли в нее люди, как дети к матери. А она принимала всех и награждала — кого счастьем, а кого и гибелью. В ней горели люди на кострах и убивали своих родных детей...

БОЧАРОВА М. Т. Книга научная и интересная. Слушать ее было завлекательно. Будто сам ты был во всей этой картине. В иных отношениях было и весело в книге, а больше в ней — все ужас. Расстреляли белые сорок девять человек! Другие люди стояли, ровно черные пятна. Исказнила бы я попа проклятого, который донес на большевиков полковнику Орлову! А вешали-то на очипе?! Сердце мое замирает, и даже дрожание разливается. Гулянка у полковника Орлова в школе — это отвратительно. Голые бегали!.. Жен красноармейских тиранили как!!! И еще картина: белый офицер попался в плен красным. Он думал, его расстреляют. Его помиловали. Красные не такие звери, как белые. Тут как-то весело, душа радуется... Который человек самостоятельный, тот скажет, что эта книга шибко повлияет на людей.

ПУШКИНА А. Т. И не определишь эту книгу. Всего в ней много. И все ужасное. Обдумать если, то у-у-ух! Много-мно-

го помянешь и про свое горе и про людское... книга эта — целая гора передо мною. Крута-а-а-я!!! Шибко всего в ней много захвачено. И широко и далеко! И как-то пространно. Писатель все это будто на карту снимал.

Напорно все описано. Дьячков-буркул он хорошо на смех выводит. А Фома-то как дрова в церкви колол! Все загудело, ровно в наполе (в большой кадке. — А. Т.).

БОЧАРОВА А. П. Больно мне пришлось Петрова смерть. Живого мужика в землю закопали. Все бы я общество за это разогнала к дьяволам! Вся моя шкура дрожала от злости на общество. Сукины дети! Не могли человека сохранить. Так мне Петру было жалко, что, кажись, сама бы за него прыгнула в яму. Да неужели же обманом общественники не могли его выручить?! Неужели нельзя было как-нибудь придумать, соврать ради жисти человеческой?! Какая им прибыль, что человек задарма пропал? Дураки мужики черемшанские. Чехи уехали, они нашли бы какого-нибудь мертвого, да зарыли бы вместо Петры. Што? Мертвых, чо ли, не нашлось на кладбище?

Похожденье все это на меня, как с неба грохнуло, как камнем по голове ошабурило! Сидела я не в себе. Плакала. Приду домой — и ночи целые думаю, догадываюсь, понимаю. Вот ляжу спать — висит передо мною мужик на журавле! Висит, болтается, а тут коло него несмысленные детишки бормочут: «Папаня плясит и длазнится». В думу мою вбилась книга эта кто знает как! Одной дома теперь мне страшно

оставаться. Как наступит темь, так перед глазами расстрелянные, повешенные, трупы, пожары...

Мотовило (так она называет Мотовилова. — А. Т.) так Мотовилом и остался. Вон сколько про него сказано, а нигде добром не помянут. Но и ему мало доброго пришлось хлебнуть. Одно маянье у него было. Гляди-кось, сколь он выходил да выездил! Хорошего мало было, а голоду да холоду принял. Не мед и ему бывал...

Орлов дюже бесстыдник был. Голую компанию завел. Ишь, как налопались! Никто свечки поставить не мог. С моей стороны — к чертям бы их всех, этих пьянюг, пожечь! Ох, и пужанула бы я их! Люди воюют, а они пируют... Все тут печальное, ежели одуматься. Пилили тайгу-то как крестьяне, батюшки! Страшишься весь и сам будто с ними там торкаешься. Я так по своему сомышленью держу: подставить эту книгу первому глупцу, да лишь бы он грамоте мерекал — уткнется он в нее, и не отцепишь. Розмысл дюже хороший в ней.

БЛИНОВА Т. П. Лавочник, что доносил полковнику на большевиков, — сволочь. Нашелся, щеголь какой, ябеда! Чтоб те провалиться! Некоторые бабы не верят, что голяком у полковника гулянье шло. Правда это истинная. Подходя это прописано. Я видела пьянство поповское у журавлихинского попа Михаила на именинах. О-о-ох, что там только было! Дюже дурней нас гуляют. Ни слова тут не солгано. Не позабыть мне ту книгу, нет! Из глаз не вылазит все, про что

я слышала. Ревела я.

И смех есть в этой книге, но весь он горький. Без горького нету смеху. Иногда всхихикнешь, а потом за ум возьмешься — и перелом в тебе делается, страшно кажется и жалко. Смех-то тут не веселый, а все с перцем, печальный.

Барановский — белый, а я его жалею. Важный он быстро был. С каждым человеком он обойдется приятно. Не хотела я никак его смерти. Все ждала. Чтобы он на красную сторону перебег... Но и времечко было! Про которое-то сказано в книге. То дорого в книге, что понятность ее самая деревенская. Шибче всех книг она мне прилась. Мне все про Мотовилова мстится: и вреден же был он! Хоть кому голову отляпает! Ирод! А до самой смерти в одну сторону тянул. Уверился, значит, в свое дело. Я его ненавижу за то, что он вредный был для всех.

ТИТОВА Л. Е. Эта книга на всю меня повлияла. Всю нашу Сибирь она в то время перевернула и все обсказала. Больно было слушать. Будь я грамотна как следно, я сама бы еще прочитала ее... Завистовский зря пропал. Напрасно его партизаны убили. Он ни в чем ни разбирался. Ребенок еще был. Что с него еще требовать? Куда люди шли, туда и он. Скрыть мне его хотелось, чтобы он пожил еще на свете. Попал в кашу — и капут ни за что. Не надеялась я, что партизаны убьют его. И хотелось мне, чтобы партизаны пробрались через тайгу, куда им плант ихний гласил...

Про книгу еще такой у меня помысел есть. Писатель как

ровно вот стоял где-нибудь на слободном месте; его никто не трогал, не мешал ему, а он всякое дело обдумывал, соображал, как получше описать все военное беспокойство людское, все страсти. От его рассказов и в моей немудрящей голловенке мысли одна за другой, одна за другой...

ШУЛЬГИНА А. Г. Орлов — свинья. Противен он мне. Не глядела бы на него. Сколько он, сволочь, народной толпы погубил! И поп Купаресов (читай: Кипарисов. — А. Т.) — идиот, прохвост! По пути ему башку снесли... Ежели красные белых лупили — мне по душе было, а белые красных — мне было поразительно. Завистовского — не знаю, как понять. Зачем его черт носил с белыми?.. Услыхала я, что офицер убил своих детей, и подумала о своих детях. Я бы, кажется, с ума сошла, кабы мне так с детьми пришлось! Вся книга чересчур даже проборчивая. Мы теперь повсегда собираемся у сапожника Григория в избе. Много баб налезет в избу. И все говорим, и все обсуждаем про эту книгу. Дружка дружке рассказываем. И ни от кого я дурных разговоров о книге не слыхала. Видно, что тот, кто сочинил ее, не дурной человек, сердешный. Должно, подумал же он, о чем и как писать!.. Живого человека закопали в могилу! Я во сне это видела. Испугалась!!! За работой чуточку забудешь про читанное, а как только ляжешь спать ночью, — сейчас же все и полезет и полезет на ум. И тебя обдирает, обдирает... Вон как страждали люди! Сильно разворошили меня эти рассказы... Тинька у меня плачет (ребенок 4-х лет. — А. Т.), не пускает

в школу, а мне вот как надо слушать! Заберу его с собой и сижу здесь. Заснет Тинька, я его оттащу скорей домой — и опять сюда бегом. Ой, думаю, пропущу много! Я седни баню топила. Рано стала, ухлесталась, уморилась. Боялась, что не продержуся. Нет, высидела бодро до самого краю. И в сон не тянуло. Забыла про свою умору...

«Два мира» волнуют наше сердце. И ума от этой книги у людей прибавится...

БЛИНОВА Т. П. И после нее мануть будет к школе. Даже ленивых. Скажешь: может, еще такое будут читать, как «Два мира», и пойдешь в школу. Такая книга любое сердце растревожит (ко мне. — А. Т.). Всегда такие книги ты нам читай. По себе понимаю человеческую кару. Пронимает она, эта книжка. Будь ты доска-доской — поймешь! Вот попробуй в деревне почитай старухам про молебен, али про виселицу, али про Петру — и те ревом заревут.

ТУБОЛЬЦЕВА Х. Т. Конца краю нет мучениям людским. И про все рассказано. И не утомляет это. Желается про будущее узнать. Слышишь из книги про людскую беду — и то боязно, а ежели самому попасть в экое горе? Мне дьячок в церкви потешным показался. Явственный он какой-то: как говорит, какой собой — ну! Красиво и боязно, вот как цветы-то на снегу кровавые... от убитых людей. Подлеца Жестикова не жалко, пропади он пропадом! Он не посчитался с Машей, когда насильничал. В смыслах, гад, был, а та — маленькая девочка...

ЗУБКОВА А. З. Меня все удивление берет: какие это такие люди, что все могут заметить, разузнать и рассказать?! Этот вот писатель писал так, будто он все видел, тут был. Взаправду, чо ли, он увезде шнырял? Изба деревенская. Люлька висит, в ней ребенок. Женщина качает люльку и уни-мает ребенка «а-а-а». Байкает его, а у самой слезы, горе... И тут же лежит мертвая старуха. Настоящее, правдивое все. И пилит грудь-душу байканье, мертвая старушка и слезы женщины! А тут еще война!

Говорят, Мотовилов бога признавал. Какой там ему бог! Рукой он его признавал, а сердцем — нет. Молился, а глядел: кого бы застрелить? Ишь: кресты-то да чаши к себе в чемоданчик склал. Какой у него бог, коли сошелся с Воронцовой любоваться при больных людях, в алтаре?! Сходливое, должно быть, сердце у писателя, потому что слышно: припадает его душа к людям.

ШУЛЬГИНА А. Г. Было у нас восстание, но меня это не касалось. Людей где-то били, казнили. Моему сердцу было ни холодно, ни жарко. Послушала я эту книгу — и буду понимать и жалеть страдающих людей. Ясно теперь мне стало, что много нашего брата, мужчин, женщин и детей полегло в бою с Колчаком за свободу. Буду теперь знать, что свободу эту надо понимать и беречь.

БОЧАРОВА А. П. (обращаясь ко мне. — А. Т.). Напиши ты этому писателю от нашего лица большую благодарность за эту его видную картину. Скажи ему: забудешь про нее,

когда уснешь. Прикачнула нам его книга думок без счету,
без краю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.